

ТОМАС
КЕЙТЛИ

ТАМПОЛЖЕРЫ

И ДРУГИЕ
ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Томас Кейтли
Тамплиеры и другие тайные
общества Средневековья

Текст предоставлен издательством «Центрполиграф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614485

Томас Кейтли. Тамплиеры и другие тайные общества Средневековья: Центрполиграф; Москва;

2011

ISBN 978-5-227-03786-2

Аннотация

В книге на широком историческом материале рассказывается о развитии средневековых тайных обществ, созданных людьми, которые стремились освоить и применить на практике мистические знания, далеко выходившие за пределы догм их вероучения, отображены источники их конфликтов с правящими кругами. Это и тамплиеры – воинствующие монахи, которые доказывали преданность своей религии и ее истинность силой оружия, и ассасины – первый монашеский военный орден в исламе, который, распространяя свое вероучение, устранял на занятой им территории руками мулахидов, фанатиков-убийц, мусульман и христиан без особого разбора.

Помимо тамплиеров и ассасинов, это историческое исследование повествует о тайных трибуналах Вестфалии, известных также как суды фемы – своеобразные комитеты бдительности граждан, вершивших тайный суд и неукоснительно приводивших в исполнение приговоры в Средние века, когда в Германии царило беззаконие.

Ставшее классическим исследование английского историка Томаса Кейтли, отличающееся глубоким проникновением в тему, представляет интерес для всякого любознательного и пытливого современника.

Содержание

Введение	4
Ассасины[3]	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	48
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Томас Кейтли

Тамплиеры и другие тайные общества Средневековья

Введение

Всякое исследование причин появления тайных обществ вероятнее всего приводит к выводу, что они формировались определенными группами лиц при приобретении неких знаний, не являющихся общедоступными. Со знаниями происходило то же, что и с любой другой собственностью людей – их владельцы стремились владеть ими безраздельно. Правда, в данном случае это нежелание делиться приобретенными знаниями с другими людьми мотивировалось несколько иными причинами, не похожими на те, которые выглядят естественными, когда речь идет о ценностях любого другого рода. Распространяя знания, их владелец ничем себя не обделяет. Ведь если подходить к обладанию знаниями как к владению реальными благами, то владелец такого богатства не становится беднее, раздавая его, как это было бы с деньгами, напротив, он остается столь же богат, как и раньше, даже после того, как сделал множество других людей обеспеченными не хуже себя самого. Тем не менее кое-что при этом теряется, и это то, чему человеческий разум склонен придавать крайне большое значение: теряется предоставляемая знаниями исключительность. Данная исключительность в самых разных своих проявлениях служит тем же самым целям, что и деньги. Так же как и деньги, она приносит почет и внимание. Как деньги, она приносит самую желанную для людей вещь – власть. Более того, знания, если они держатся в тайне, дают существенную власть. Здесь стоит отметить, что в английском языке «знаю» и «могу» звучит одинаково. Но у власти есть еще и особенности: обладание некими знаниями возвышает индивидуумов над всеобщим невежеством. Это не только возможность делать нечто, чему можно научиться, лишь владея этими знаниями, но и способность управлять другими людьми, используя свое сравнительное могущество на фоне чужой слабости.

Мотивы, побуждающие обладателей знаний к сохранению своих эксклюзивных прав пользования ими, столь сильны, что, не будь у людей прямо противоположных, действующих таким же образом интересов, удовлетворяющих личные эгоистические устремления, вряд ли можно было бы рассчитывать, что когда-либо знания стали свободно распространяться. В данном случае мощным противодействующим средством является понимание, что в большинстве случаев знания наиболее эффективно можно использовать для привлечения всеобщего внимания и восхищения, лишь передавая их. Лучи света должны пробиваться вовне и освещать мир даже тогда, когда вполне можно любоваться ими в закрытом помещении. В самые мрачные времена ученый или философ мог считать свои амбиции вполне удовлетворенными, получив репутацию человека, достигшего невероятных результатов, вызывающих бестолковое удивление либо суеверный ужас непритязательной толпы. Но как только такие вещи, как тяга к знаниям и любопытство, становятся характерной чертой человеческого рассудка, все те, кто желал извлечь славу или почет своими интеллектуальными возможностями, тем, чему они научились, что узнали, стремятся вызвать восхищение у подобных себе, уже делясь, а не скрывая свои знания. Они не закрывают доступ к бесценному фонтану, а, наоборот, позволяют его водам свободно течь, давая тем самым возможность испить из него любому желающему. С этого момента у науки практически не остается никаких секретов, более того, все, что можно изучить, подвергается тщательному исследованию, и всеобщая распространяемость знаний становится основной тенденцией.

Однако в предшествовавший этому период положение вещей было прямо противоположным. Стимулов к передаче знаний было мало либо их вообще не существовало, зато у их обладателей было множество мотивов скрывать знания от всех, сохраняя их исключительно для себя. Способность воспринимать и даже просто понимать поступающие из-за рубежа философские истины не была достаточно развита, особенно если они приходили в своем исконном виде и объяснялись собственными же принципами и категориями. До них никому не было дела, либо они понимались толпой извращенно, преобразовываясь ею в нечто настолько неожиданное и мистическое, насколько это позволяло их практическое применение. В большинстве случаев попытки преподавать философские учения, заниматься этим профессионально сопровождались реальными опасностями. Слишком сильно они противоречили некоторым из наиболее сильных предубеждений, господствовавших повсеместно. Поэтому не стоит удивляться, что носителям новых знаний приходилось охранять и защищать их путем создания тайных обществ, которые не только огораживали и скрывали членов от широких масс, исключая толпу из процесса познания, но и попутно решали и другие насущные проблемы затворников. Они предоставляли возможность свободного обсуждения и обмена мнениями, недоступную иными способами. Их внешний облик специально окутывался мистикой и тайной, чтобы поражать воображение людей, вызывать слепое почитание и благоговейный трепет. И наконец, дымовая завеса, которой они окутывали свою деятельность, позволяла членам тайных обществ объединять свои усилия, действовать по плану, чувствуя себя в безопасности, свободными от вторжения извне. Особенно важно это было, если ими вынашивались какие-либо политические новации либо другие проекты, открытое отстаивание которых официальные власти никогда бы не потерпели.

Предоставляемые тайными сообществами возможности, а можно сказать и искушения преследовать именно противозаконные политические цели были настолько велики, что налагавшиеся властями запреты на них выглядели вполне оправданными вне зависимости от предлогов, под которыми те возникали. Спору нет, что при неудачном управлении государством желательные политические реформы осуществлялись зачастую именно при помощи таких тайных сообществ и какими-либо иными способами достичь их было невозможно. В силу природы вещей тот же самый образ действий не менее эффективен для свержения успешных правителей. Люди с дурными намерениями будут собираться для осуществления втайне своих дурных замыслов с той же вероятностью, что и люди с благими – для реализации своих благих планов. В любом случае тайное общество – это государство в государстве, самостоятельная сила, независимая от той, что признается высшей властью в государстве, и тем самым нечто настолько дезорганизующее и противоречащее основополагающим принципам любого правления, что ни одно государство его не терпит. В случае с «плохим» правительством действительно для его свержения хороши все средства, которые не противоречат моральным принципам. Здесь главным правилом должно быть применение критериев благоразумия и целесообразности. Тогда тайное объединение сторонников реформ в определенных обстоятельствах может быть наиболее эффективным средством достижения желаемой цели, однако насколько бы желательна ни была такая цель, она не входит в число тех, которые предусматриваются конституцией государства. Ни одна конституция не может исходить из допущения, что пусть даже необходимые изменения должны осуществляться не регулируемые ею институтами, не составляющими часть действующего государственного механизма. Тот самый момент, когда подобные институты начинают успешно действовать, знаменует начало революции и окончание конституции. Даже внесение поправок в конституцию, осуществленное подобным образом, означает ее уничтожение.

Тем не менее большинство из наиболее известных тайных обществ, существовавших в различные века и в разных странах, либо изначально создавались для достижения неких политических целей, либо постепенно приходили к тому, что подобные цели начинали рас-

сма­три­ваться ими среди своих основ­ных задач. Даже если главной целью создания общества были, к примеру, религиозные реформы, все равно, насколько об этом можно судить по сохранившимся документам, они могли рассма­три­ваться как имеющие политический характер, учиты­вая, насколько переплетены были церковные и гражданские институты власти почти в любой стране. При этом влияние, какое тайные общества стремились оказать на официальную власть, далеко не всегда было столь амбициозным, чтобы полностью низвергнуть ее и заменить другой формой правления. Все, чего они хотели, могло заключаться лишь во внесении изменений в какой-нибудь определенной сфере. Более того, целью организации могла быть поддержка основных принципов конституции перед силой обстоятельств, угрожавших их попранию или изменению. Но на что бы они ни нацеливались: на изменение или поддержку действующего порядка вещей, – нелегитимность и опасность деятельности тайных союзов, как уже было сказано, относит их к той разновидности политических сил, которую ни одно здравомыслящее правительство не будет терпеть. Вместе с тем случалось, что в чрезвычайных ситуациях и в периоды крушения цивилизаций именно такие организации оказывали неоценимую пользу в обеспечении наиболее важных потребностей общества и в определенной степени восполняли прорехи в прогнившей системе официального правления.

Система тайных обществ – это настоящий клад­е­зь для сторонников политических реформ во времена, когда общественное сознание еще не освободилось от предрассудков, чтобы воспринять и поддержать проекты улучшения существующих институтов и общественных устоев. В таких условиях публичное изложение своих взглядов было бы гласом вопиющего в пустыне. В худшем случае результатом подобной попытки стала бы гибель. Между тем, объединяясь в тайном сообществе и извлекая все преимущества передовых знаний и интеллектуальных способностей, а также действуя сообща, очень малое количество людей могло добиваться непропорционально значимых результатов. Порой им удавалось в существующие достаточно сильные социальные системы вбить такой клин, который разбивал и разносил их в клочья независимо от того, сколько веков невежества требовалось на их выстраивание. В отсутствие действенных формальных законов и правоохранительной системы такие общества могли брать на себя роль обеспечения правосудия, применяя собственный авторитет там, где не хватало власти парализованного и бессильного государства. Даже суеверия и страхи, поражающие воображение масс и заставляющие их преклоняться перед загадочной организацией и ее таинственными методами деятельности, берутся на вооружение и помогают держать население в повиновении.

В целом систему тайных обществ, создаваемых в политических целях, даже если не принимать во внимание, насколько желательно их достижение, можно рассма­три­вать как средство, позволяющее людям с благими намерениями компенсировать враждебность внешней среды во времена всеобщего невежества либо в тех государствах, где нарушаются основные принципы справедливого правления и путем наложения запрета на свободное высказывание своего мнения останавливается развитие общества. Однако в странах, где существует свобода слова, где общественное сознание достаточно просвещено, чтобы не воспринимать идеи, идущие вразрез с основополагающими правилами и принципами государственности, необходимость объединения людей в политических целях будет минимальна. В подобных благоприятных условиях для сторонников улучшения социальной системы существует один способ действия – выходить на свет, поскольку нет другого более достойного места для осуществления их миссии, и стараться реализовать свои планы путем нахождения взаимопонимания у своих сограждан.

Однако существенным изъяном, которому подвержены любые тайные общества, является вероятность того, что цели и методы действия их членов будут искажены теми, кто заинтересован в ослаблении власти и влияния конкурентов. До тех пор пока бдительное око госу-

дарства и всех заинтересованных в сохранении системы лиц будет приковано к подобным сообществам, последние будут жестко ограничивать круг посвященных и действия допущенных членов. А поскольку их собрания по той же самой причине должны протекать в удаленных местах и чаще всего в ночное время, их противники получают возможность, крайне редко упускаемую, распространять какие угодно очерняющие слухи о покрытых тайной действиях. И насколько бы невиновными себя ни чувствовали оклеветанные, открыто выступать с опровержениями они обычно тоже не способны. Подобными уловками в людях вызываются столь сильные подозрительность и неприязнь к непонятным обществам, что они порой начинают преследовать защитников их же интересов, впрягаясь в ярмо, надеваемое на них истинными недругами. Схожесть обвинений, выдвигаемых против тайных организаций в самых разных частях света, является вполне достаточным доказательством их надуманности, поэтому к ним следует относиться с известной долей недоверия. Та безупречная чистота, в которой изначально проповедовалось христианство в Римской империи, не давала поводов для каких бы то ни было кривотолков. Тем не менее, когда гонения на христиан стали организовываться именно так, как если бы те состояли в некоем тайном сговоре, против них стали выдвигаться такие же обвинения, какие ранее приписывали различным течениям гностической ереси. Например, в фиестовых пирах (выражение, обозначающее каннибализм, по имени героя древнегреческих мифов – Фиеста, Тиеста. – *Пер.*) и беспорядочных половых связях, что они сами же потом подтверждали, хотя и вряд ли правдиво. Там, где присутствует таинственность, всегда будут рождаться подозрительность и появляться обвинения, на которые невозможно пролить свет.

В античном мире существовало лишь одно тайное общество исключительно политической направленности – это пифагорейцы. Желая взглянуть на религиозные сообщества, вероятно, соберут весьма богатый урожай, особенно если вспомнить все то, что было написано в древние и нынешние времена по поводу наиболее известных мистерий. Однако первоначальные греческие таинства и обряды, такие как элевсинские мистерии, представляется, были не чем иным, как публичными богослужениями, сопровождавшимися несколько необычными церемониями, которые проходили под надзором государства и на которых председательствовали члены городских советов. При этом участникам не раскрывались какие бы то ни было секреты и не передавались знания, выходящие за рамки общедоступных. Другие разновидности мистерий, в частности культы Орфея, Исаака, Митры, заимствованные с Востока, были всего лишь орудием в руках хитроумных самозванцев, активно наживавшихся на слабостях и доверчивости грешных и суеверных людей, убеждая их, что путем тайных необычных ритуалов и обращения с мольбами к неведомым божествам можно избежать грядущей расплаты за грехи. Ночные сборища для совершения этих культовых ритуалов слишком часто превращались в распутные оргии и вызывали неприятие у любых здравомыслящих правителей. Именно подобные, а не элевсинские мистерии подвергались строжайшему осуждению со стороны служителей церкви¹.

Сведения о Пифагоре и его учении крайне обрывочны. Дошедшие до нас высказывания этого мудреца были записаны лишь спустя много веков после его смерти, и не так уж много доверия заслуживает их содержание. Пифагор родился на острове Самос, расцвет его учения пришелся на VI век до Рождества Христова, те времена, когда Греция находилась под огромным влиянием Египта и ее мудрецы устремлялись на берега Нила в поисках знаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в традициях Пифагора было посещать эту загадочную страну, а возможно, и страны Востока, что наложило отпечаток и на безмятежный взгляд на мир, в котором те, кто считается мудрым, управляют невежественными людьми. Исходя из этого, возможно, ему и пришла в голову идея слияния этой жреческой

¹ Подробнее об этом см. в «Аглаофамусе» Лобека.

системы со строгими моральными нормами и аристократическим устройством греческих государств дорийцев. Поскольку, по его представлениям, родной остров, находившийся в то время во власти Поликрата Самойского, не очень подходил для внедрения новой системы правления, Пифагор обратил свой взор на города Великой Греции, нынешней Южной Италии, которые процветали в тот самый период и где жители стремились приобретать новые знания, а некоторые провинции уже располагали сводами законов. Его выбор пал на Кротон – один из богатейших и прославленных городов региона.

Аристократия олицетворяла всю систему политического устройства дорийцев, а все города Великой Греции были их колониями. Тем не менее в результате активных торговых отношений у населения была естественная тяга к демократической системе правления. Целью Пифагора было сохранение аристократических принципов, при этом он стремился к тому, чтобы принадлежность к аристократическому классу была не только тем, что дается при рождении, но, как и в жреческих кастах Востока, она означала бы и превосходство в уровне просвещенности. Поскольку его система шла вразрез с тем, чем жило общество, Пифагор понимал, что внедрить ее он сможет лишь при всеобщем положительном к ней отношении. К тому же, обладая такими личными достоинствами, как прекрасное телосложение, достигнутое в результате постоянного выполнения специальных гимнастических упражнений, ораторское мастерство, гордая манера держаться, он вызывал к себе всеобщее расположение, еще больше привлекаемое мистическим налетом его учения. Тем самым он в итоге привил людям благосклонное отношение к своим идеям, а знать с рвением стремилась быть посвященной в его секреты.

Невероятный успех, как говорят, сопровождал этот проект философа. Произошло всеобщее изменение нравов в Кротоне, где общественное устройство стало почти спартанским. Управляла там группа из 300 аристократов, которые, согласно учению мудреца, уже при рождении были одарены высшими, по отношению к прочим людям, знаниями во всех областях. Знать из других полисов стекалась в Кротон, чтобы научиться, как управлять мудро. Посланники Пифагора направлялись во все концы, чтобы проповедовать новое политическое учение. Они прививали людям религиозные воззрения, покорность и смирение, те же из знати, кто считался достойным, приобщались к знанию системы в целом, им преподавались ее правила и принципы. Казалось, что золотой век гармоничного слияния власти, мудрости и добродетели воцарился на земле.

Однако как всему, что вступает в противоречие с духом времени, подобному политическому устройству не суждено было устоять. В то время как Кротон был основным местом сосредоточения пифагорейцев, богатство и роскошь в качестве своей резиденции избрали соседний город Сибарис. Эти города соперничали между собой: один из них должен был пасть. Прошло чуть больше 30 лет с момента прибытия Пифагора в Кротон, как ожесточенная война разгорелась между ними. Возглавляемые Милоном и другими пифагорейцами, которые в военных делах были не менее искусны, чем в философских, кротонцы свели на нет влияние своих соперников, и Сибарис пал, чтобы никогда вновь не подняться. Но вместе с ним рухнуло и влияние пифагорейцев. Они полагали нецелесообразным делиться богатыми трофеями с простыми людьми, в результате стало расти народное недовольство. Этим воспользовался Цилон, которому было отказано во вступлении в союз. Он подстегнул население к массовым расправам над пифагорейцами, демократическая система правления была установлена. Другие города последовали примеру Кротона, началось всеобщее преследование пифагорейства, сам Пифагор был вынужден спасаться бегством и умер вдали от города, который когда-то принял его как пророка. Пифагорейцы никогда после этого не пытались прийти к власти, став не более чем сектой философов-мистиков, выделявшихся причудливостью в еде и одежде.

Античные времена не предоставляют нам других сколь-нибудь значимых обществ, к которым можно было бы применить термин «тайное».

Различные секты гностиков, которые служители церкви обвиняли в ереси, в определенной мере являлись тайными обществами, поскольку они не распространяли свои учения в открытую и публично. Но сведения о них настолько скудны и безынтересны, что их изучение вряд ли привлечет внимание широкого круга читателей.

Настоящая книга посвящена истории трех выдающихся обществ, которые процветали в Средние века и полное подробное описание которых, насколько известно, в англоязычной литературе трудно найти. Речь идет о ближневосточных ассасинах, или исмаилитах, чье название во всех европейских языках стало синонимом «убийцы», которые действительно были тайным обществом и о которых мы имеем лишь самые смутные и неопределенные представления. Следующее общество – это рыцарский орден тамплиеров, с которыми расправились наиболее варварским образом именно под предлогом их приверженности тайному учению и в отношении которых новые обвинения были выдвинуты в наши дни. И наконец, тайные трибуналы Вестфалии в Германии, вся наша информация о которых до сих пор черпалась главным образом из ненадежных суждений писателей и поэтов².

На следующих страницах читатель найдет правдивую историю во всей ее простоте, лишенной волнительного романтизма, знания, а не одни лишь развлекательные истории, хотя, впрочем, последним тоже будет уделяться внимание в той степени, сколь это не противоречит истине и целям повествования.

² Пока данная книга готовилась к публикации, доктором Освальдом Чарльзом Вудом был издан перевод «Истории ассасинов» Хаммера.

Ассасины³

Глава 1

Мир в VII веке. – Западная империя. – Восточная империя. – Персия. – Аравия. – Мухаммед. – Чем он мог руководствоваться. – Особенности его вероучения. – Коран

В начале VII века эры христианства государства большей части мира были готовы к тому, чтобы принять новые границы. В течение двух предшествовавших веков готы, вандалы, гунны и прочие воинственные племена германцев преуспели в снесении возникавших на их пути препятствий, завоевав и расчленив Западную Римскую империю. С собой они принесли и сохранили свободолюбивый нрав и дух неустранимого героизма, отказавшись при этом от своих древних диких суеверий и заложив порочную систему, которая позже подорвала авторитет самого христианства. Эта система, еще больше закаленная идеями, привнесенными и трансформированными ее новыми приверженцами, которые стали превозносить положения Ветхого Завета, вписывавшиеся в их собственное мироощущение, впоследствии, слившись с феодализмом, породила дух, который погнал армии Западной Европы через горы и степи Азии на завоевание Святой земли.

Восточная Римская империя представляла в то время совсем другую картину. Она все еще сохраняла пределы, которые имела при Феодосии Флавии. Все страны от Дуная, через восточное и южное побережье Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива в той или иной степени проявляли повиновение перед наследниками Константина Великого. Но деспотизм в более разлагающем, хотя и менее безжалостном виде, чем в Азии, парализовал патриотические чувства подданных и их энергию. А острота, беспокойность и гибкость ума греков в сочетании с мистицизмом и безудержной фантазией азиатов преобразили простоту вероучения Христа в мятежную систему труднодоступной метафизики и великого идолопоклонничества, что вносило свою лепту в общеполитическую ситуацию, охлаждая воинственный запал населения. Различные провинции империи удерживались вместе крайне непрочными связями, было очевидно, что сильного потрясения будет достаточно для распада союза.

Горы Армении и воды Евфрата отделяли Восточную империю от Персии. Эта страна во времена, когда орлы Римской республики впервые появились у берегов Евфрата, находилась во власти народов, носивших имя парфян, и римские армии не раз терпели поражение, пытаясь вторгнуться в их пределы. Как любая власть, подданным которой не дарована свобода, правление Аршакидов (царская династия Парфии) со временем становилось все более немощным, и по прошествии почти пяти веков скипетр Аршака из ослабшей руки последнего в династии монарха перешел к Ардаширу Папакану (то есть сыну Папака) – доблестному воину царской армии, притязавшему на принадлежность к древнему роду персидских монархов. Ардашир, чтобы осуществить переворот, обратил себе на пользу религиозные воззрения персов. Парфийские монархи были приверженцами греческого образа жизни

³ При написании главы об ассасинах использовались главным образом следующие источники: «История ассасинов» Хаммера и его же «Сокровища Востока», Extrait de l'Ouvrage de Mirkhond sur la Dynastie des Ismaelites М. Журдена и «История Персии» Малколма.

и религии, а к огнепоклонничеству – традиционной вере в Персии – относились пренебрежительно. Ее жрецы были обделены вниманием членов царской семьи. Для Ардашира же она была источником гордости и частью политики по восстановлению авторитета древнего вероучения до уровня, каким оно обладало во времена наследников Кира Великого. Религиозные деятели в ответ предоставляли ему свою могущественную помощь в его планах придания монаршей семье былой силы и по вселению в души соотечественников любви к своей стране и жажды расширения персидских владений до прежних масштабов. На протяжении 400 лет династия Сасанидов⁴ была самым грозным врагом Римской империи. В период, который здесь описывается, их владения почти достигли величайших размеров среди восточных династий. Хосров I Ануширван приобрел великую военную славу, был энергичным и справедливым правителем, что сделало его имя общеизвестным на всем Востоке. Хосров II Парвиз продемонстрировал такое величие, которое до сих пор является отдельной темой поэзии и литературы Персии, и пронес свое победоносное оружие сквозь Сирию и Египет и дальше по африканскому побережью, куда даже Дарий I не смог продвинуться. Поражение от доблестного императора Гераклиуса омрачило его последние дни, а на тринадцатый год после его смерти армия персов была обращена в бегство. Священная реликвия империи – украшенный драгоценными камнями и расшитый золотом фартук кузнеца Кавэ – попала в руки грабителей. Все это раскрыло тайну, и бывшая сила покинула Персию. Блистательность начала правления Хосрова II Парвеза была последней вспышкой перед гибелью, что случается не только с империями, но и с отдельными людьми. Ушло могущество, которое требовалось, чтобы сдерживать фанатичный натиск, уже готовый вырваться с аравийских просторов.

Аравия гордится именно тем, что она никогда не была завоевана. Этот иммунитет к порабощению тем не менее был лишь частичным и обременен, главным образом, естественным свойствам этих земель. Бесплодные пески Неджда и Хиджаза всегда сводили на нет старания враждебных армий, но более привлекательный район Йемена – Счастливая Аравия, как его называли в древности, – не раз притягивал завоевателей и покорялся их власти. Население этой страны оставалось единым по крови и образу жизни с незапамятных времен. Храбрые, но не кровожадные, разбойники, но любезные и гостеприимные, с живым и проникательным умом – такими мы видим арабов со времен Авраама и до наших дней, занимающимися выпасом скота и кочующими по пустыням, выращивающими сельхозпродукцию в Йемене, торгующими на побережьях и на границе с Сирией и Египтом. Их зарубежные военные действия никогда не выходили за рамки грабительских набегов в две упомянутых страны, если не принимать во внимание гиксосов, или царей пастухов, как их еще называли, которые, согласно преданиям, однажды завоевали Египет. Аравия была своего рода миром в самой себе, ее многочисленные племена находились в бесконечной вражде друг с другом. Но было очевидно, что, если отважные и искусные всадники были бы объединены вождем и воодушевлены мотивами, вызвавшими прилив решимости и героические чувства, они стали бы силой, способной нанести сокрушительный удар империям Персии и Рима.

Если трезво взглянуть на мировую историю, невозможно не признать существование предрасполагающих факторов, которые определяют время и обстоятельства каждого события, которому суждено произвести серьезные изменения в людских делах. Действие этого всевластного провидения ощутимо в данном случае как нигде более. Арабам пришло время покинуть свои пески и начать движение к покорению мира, и родился человек, который должен был стать для них необходимой побуждающей силой.

⁴ Сасаниды – название династии, основанной Ардаширом, по имени его предположительного предка Сасана, внука Хшайарша, весьма почитаемого в античной истории Персии героя. Хшайарша был сыном Гистаспа, который в греческой истории, как предполагается, был Дарием Гистаспом. Сэр Джон Малколм в своем исследовании считает Хшайаршу Ксерксом у греков.

Мухаммед (*Восхваляемый*⁵) был сыном Абд-Аллаха (*Слуга Божий*) из знатного арабского племени Курайш, которое было хранителем Каабы (дословно: «куб» – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе Запретной мечети в Мекке. – *Ред.*). Находящийся в ней Черный камень (предположительно метеорит; мусульманская святыня, камень прощения, по легенде, посланный Богом Адаму и Еве. Вмонтирован в восточный угол Каабы и заключен в серебряную оправу. Согласно преданию, Черный камень изначально был белым, но постепенно почернел, пропитавшись человеческими грехами. До сих пор является предметом паломничества мусульман для поцелуя. – *Ред.*) на протяжении многих веков был предметом религиозного поклонения аравийских племен. Мать Мухаммеда Амина была дочерью вождя знатного рода. Мухаммед рано остался сиротой со скудным наследством, состоявшим из пяти верблюдов и рабыни-эфиопки. Его воспитанием занимался дядя Абу Талиб. В ранние годы юный Мухаммед постоянно сопровождал своего дядю на базар в Бозре, на границе с Сирией, а на восемнадцатом году жизни продемонстрировал свою отвагу в столкновении между Курайшем и враждебным племенем. В возрасте 25 лет поступил на службу к богатой вдове Хадидже, товары которой он возил на одну из крупнейших ярмарок Сирии. Несмотря на бедность, Мухаммед был благороден, красив, силен и храбр. Хадиджа, которая была на 15 лет старше, страстно полюбила его. Ее чувства встретили взаимность. Ее рука и богатство принесли племяннику Абу Талиба достаток и почет.

По всей видимости, изначально Мухаммед отличался целенаправленностью, и нельзя исключать, что великая истина единобожия была навеяна ему матерью либо еврейской родней. Курайшиты и прочие его соотечественники поклонялись идолам; христианское вероучение было искажено примесью множества суеверий; огнепоклонничество персов являлось поклонением Божеству в материальной форме; вера в учение Моисея была подорвана мечтами и нелепыми наставлениями раввинов. Людям, похоже, требовалось нечто более простое. К тому же существовала уверенность, что Бог время от времени посылает в мир для его реформирования пророков и может сделать это вновь. Евреи все еще ждали обещанного мессию, многие христиане полагали, что с небес еще должен сойти Параклит. Кто возьмет смелость утверждать, что Мухаммед не убедил себя, что его удел – это служение Господу и Божественным предназначением ему суждено быть проповедником более чистого вероучения, чем все те, которые он видел? Кто скажет, что, ежегодно уединяясь на 15 дней в пещере на горе Хира, он в экстазе не впадал в галлюцинации и что в одном из таких снов наяву архангел Гавриил не снизошел к нему в его болезненном воображении, чтобы назначить его пророком Божиим и преподнести видимый образ той части будущего свода законов, которая, возможно, уже созрела в его голове раньше?⁶ Определенная доля самообмана всегда является составной частью успешного мошенничества. Любой жулик, и так всегда было, свой первый эксперимент ставит над собой. Уместно предположить, что первоначально Мухаммед не имел иной цели, кроме распространения истины путем убеждения, и, скорее всего, он ввел в заблуждение лишь самого себя, уверовав, что является избранным свыше для этой

⁵ Восточные собственные имена обычно все имеют определенное значение, при их первом упоминании будет даваться их перевод. Но поскольку не всегда возможно достоверно определить, как было написано арабской вязью восточное слово, которое встречается в римских письменах, в некоторых случаях имена будут оставаться непереверенными, а в других случаях будут предприниматься попытки предоставить гипотетические разъяснения. В последнем случае к ним следует относиться с долей сомнения.

⁶ Поэма «Кубла-Хан» – прекрасный пример подобной силы воображения, когда ум поглощен созерцанием материальных объектов. Читатель, возможно, вспомнит знак свыше, посланный лорду Герберту Чербери, когда он сомневался, публиковать или нет свой труд «Об истине». Автор сам недавно слышал историю об одной гадалке, которой, когда она прилегла на софе, почудился голос из ниоткуда, известивший ее о том, что она избрана в качестве инструмента в руках Господа для осуществления великой работы. А в качестве знака ей указывалось, что через определенное количество месяцев она уже не сможет встать с софы, на которой сейчас лежит. Сила воображения настолько велика, что это сообщение, которое могло бы стать знаком, действительно реализовалось. Она сама убедила себя, что потеряла силы двигаться и в результате на самом деле лишилась их.

цели. Все же не стоит избегать и другой, возможно, более правдивой версии, а именно: что, по мнению Мухаммеда, равно как и многих других, цель оправдывала средства, и он считал позволительным придумать Божественные явления и наставления, чтобы заставить людей прислушаться к истине.

Какими бы изначально ни были идеи и планы Мухаммеда, он ждал, пока ему исполнится 40 лет (возраст, в котором Моисей впервые появился перед израильтянами), и тогда раскрыл свое Божественное предназначение жене Хадидже, рабу Зеиду, двоюродному брату Али, сыну Абу Талиба, и своему другу, добропорядочному и богатому Абу Бекру. Трудно себе представить какой-либо мотив, кроме убежденности, завладевшей умами этих разных людей, которые сразу признали его притязания на роль пророка. Безупречность предыдущей жизни нового пророка сыграла немалую роль в том, что ему удалось заставить поверить в свое предназначение тех, кто был наиболее близко с ним знаком. Как гласит мудрость, не славен пророк в отечестве своем и среди ближних своих, и пример Мухаммеда подтверждает истинность этого утверждения. В течение тринадцати лет новая религия развивалась в Мекке с трудом и болезненно. Население же Ясриба, города, который впоследствии стал почитаться как «Город пророка» (*Medinat-en-Nabi*), оказалось более восприимчивым к новой вере. После смерти Абу Талиба, который хоть и не разделял убеждений своего племянника, но оберегал его, Мухаммед переселяется в Ясриб (событие, почитаемое как хиджра – паломничество), население которого с оружием в руках встает на защиту его от курайшитов. Возможно, именно в этот момент перед пророком открылись новые взгляды на мир. Принц Ясриба надеялся расширить свою власть над неблагодарной Меккой, а тем, кто насмехался над его доводами и убеждениями, можно было бы преподать урок мечом. Эти посылы оказались верными и менее чем через десять лет после битвы при Бадре (первая битва Мухаммеда), когда он добился того, что его светская власть и пророческая роль были признаны по всему Аравийскому полуострову.

Очень часто случается, что, когда человечеству предлагается принять новую форму религиозного учения, оно превосходит по чистоте то, которое должно заменить. Арабы времен Мухаммеда были идолопоклонниками. Количество идолов, которым следовало поклоняться у Каабы, как говорят, равнялось тремстам. Среди арабов было широко распространено распутство, полигамия не знала пределов⁷. Все это пророк заменил поклонением единому Богу и поставил под контроль плотские пристрастия своих соотечественников. Его религия содержала описание того, какими будут награды и наказания в будущем, чем он завлекал, чтобы внушить послушание, и запугивал против неповиновения и противостояния. Страдания ада, которыми он грозил, были наиболее устрашающими для всего тела и отдельных его органов; радостямирая были зеленеющие луга, раскидистые деревья, журчащие ручьи, легкое дуновение ветра, изысканные вина в золотых и серебряных кубках, роскошные жилища и пышные диваны. Мелодии распеваемых ангелами песен должны были ублажать души благословленных. Черноокие хурии должны были стать вечно цветущими невестами верных слуг Всевышнего. Но, хотя чувственное блаженство являлось главной наградой, поборников этой веры учили: чтобы заслужить ее, необходимо самоотречение на земле, и строго следили за тем, чтобы «правоверный мусульманин проявлял в своем характере больше черт стойков, чем эпикурейцев»⁸. И поскольку пророк уже твердо решил, что

⁷ В «Истории Персии» Дж. Малколма приводится диалог между персидским правителем Йезджирдом и арабским посланником, который говорит: «Все, что ты сказал мне о том, как раньше жили арабы, – это правда. Их едою были зеленые ящерицы; новорожденных девочек они хоронили заживо; более того, некоторые с наслаждением поедали мясо трупов и пили кровь, а прочие изничтожали своих родственников и тем самым полагали себя могучими и доблестными, если подобным деянием они приобретали больше богатств. Облачены они были в одежды из волосяных тканей, не отличали добра от зла, а также не ведали, что является законным, а что противозаконным. Таково было положение вещей у нас. Но по милости Божьей, через святого пророка нам было ниспослано Священное Писание, которое учит нас истинной вере».

⁸ Халлам. Средние века.

меч непременно будет задействован для распространения истины, наивысшая степень будущего блаженства, как было заявлено, была уделом мучеников, то есть тех, кто пал в священных войнах за распространение веры. «Рай, – говорил пророк, – находится в тени мечей». В Судный день раны павших воинов засверкают ярко-алым цветом и заблагоухают мускусом, а крылья ангелов заменят утраченные конечности. Религия Мухаммеда получила название ислам (*смирение*), его последователи стали называться мусульмане (*moslems* – у арабов и *mussulmans* – у персов). В их вере было пять догматов: вера в Бога, в его ангелов, в его пророка, в Судный день и в предназначение судьбы. Благочестивых обязанностей было также пять: духовное очищение, молитва, пост, подаяние и паломничество в Мекку. Различные обряды и ритуалы, которые прежде соблюдались арабами, были сохранены пророком либо из уважения к религиозным пристрастиям своих последователей, либо потому, что он не хотел или не мог освободиться от почтительного отношения к обычаям, в которых он сам был взращен с младенчества.

Так в самых общих чертах выглядит та религия, которой Мухаммед заменил арабское идолопоклонничество. Оригинального в ней было мало. Все ее детальные описания загробной жизни были заимствованы из иудаизма или от магической системы Персии. Содержащая их книга, названная Кораном (*чтение*), составлялась на протяжении многих лет из разрозненных отрывков *неграмотным* (выделено автором. – *Пер.*) пророком и записывалась с его слов книжниками. По его собственным рассказам, каждая сура, или откровение, была преподнесена ему с небес архангелом Гавриилом. Они почитаются всем мусульманским Востоком и большинством европейских востоковедов как шедевр арабской литературы. И если уделить должное внимание разнице в образе жизни и в пристрастиях европейцев и арабов, а также учесть, что рифма⁹ в прозе для первых нестерпима, а последним может доставлять огромное удовольствие, то можно признать, что щедро воздаваемая этому произведению хвала не является незаслуженной. И хотя большую часть книги занимают нудные, зачастую наивные легенды, а также длинные, утомительные общественные наставления, она пронизана возвышенной силой горячего почитания и смиренной покорности перед волею Бога, что вполне достойно священных провидцев Израиля. Доктрина единого Бога, словно жила чистейшего золота, проходит через все части книги, придавая ей достоинство. Нельзя ли рискнуть предположить, что христианство выиграло от жульничества Мухаммеда и что четкое, открытое вероисповедание Божественного Единства их мусульманскими недругами спасло христиан Темных веков от удушения под массой суеверий и вранья, которые столь сильно извратили и деформировали величественную простоту Евангелия? Разумеется, никому в голову не придет сравнивать сына Абд-Аллаха с Сыном Божьим, ставить тьму рядом со светом. Но мы вполне можем допустить, что он был орудием в руках Всевышнего, и признать, что принятие им на себя роли пророка повлекло за собой как положительные, так и вредоносные последствия.

Мусульманская религия настолько тесно связана с историей, законами, образом жизни и мировоззрением той части Востока, о которой здесь пишется, что без этого краткого экскурса в истоки ее происхождения и особенностей было не обойтись.

⁹ Ветхий Завет, как следует из поэтических частей Священного Писания, вызывает такое же восхищение звучанием рифмы, что и арабский текст. Например, у Исайи в оригинале.

Глава 2

Происхождение халифата. – Первые халифы. – Пределы Арабской империи. – Раскол среди мусульман. – Сунниты и шииты. – Секты шиитов. – Кайсаниты. – Зейдиты. – Гуллаты. – Имамы. – Секты имамитов. – Особенности их политической системы. – Карматы. – Происхождение халифов Фатимидов. – Тайное общество в Кауре. – Преподаваемое там учение. – Его упадок

Мухаммед объединял гражданские и церковные властные полномочия. В качестве эмира (*принца*) он вершил правосудие и вел своих последователей в битву; как имам (*духовник*) он каждую пятницу (*шабат* – *день отдохновения у мусульман*) проповедовал принципы и священные обязанности своей религии. И хотя у него было множество жен, на момент, когда пророк начал ощущать приближение смерти, у него не было ни одного выжившего сына. Его дочь Фатима, однако, была замужем за своим двоюродным дядей Али, который был одним из первых и наиболее преданных учеников пророка. Ожидалось, что угасающий глас Мухаммеда наречет брата халифом (*наследником*) перед лицом приверженцев своей веры. Но Аиша – дочь Абу Бекра, юная и наиболее любимая жена Мухаммеда – была крайне враждебно настроена в отношении сына Али Абу Талиба, и, вероятно, мстительная женщина использовала все свое влияние на умирающего пророка. Также возможно, что Мухаммед, как и Александр, ошеломленный объемом власти, которую он приобрел, и осознавая, что лишь мощь сопоставимой с ним самим личности будет способна сохранить и приумножить ее, и, возможно, считая, что он отвечает перед Богом за выбор, который должен сделать, решил оставить решение этого вопроса последователям как самый безопасный вариант. То, что за несколько дней до своей смерти Мухаммед уполномочил Абу Бекра совершить богослужение вместо себя самого, может указывать на планы передачи халифата ему. Тем не менее он однажды заявил, что сила характера, проявленная его выдающимся последователем Умаром, ясно показывает наличие у того достоинств пророка и халифа. Предания не оставили свидетельств столь же ясных высказываний относительно мягкого и добродетельного Али.

Как бы то ни было, пророк ушел, не оставив преемника, и при выборе того, кому передать полномочия, чуть не возник разлад среди его сторонников, когда Умар, отказавшись от притязаний, отдал свой голос в пользу Абу Бекра. В результате вся оппозиция утихомирилась, и отец Аиши в течение двух лет властвовал над правоверными. Вначале Али не захотел подчиниться, но в конце концов принял наследника пророка. Умирая, Абу Бекр завещал верховную власть Умару как самому достойному, а когда двенадцать лет спустя тот погиб от кинжала убийцы, освободившийся высокий сан шестью голосами был дарован Усману, являвшемуся до этого секретарем пророка. Ослабивший влияние Усмана возраст подорвал авторитет его правления, и над всей Аравией стал преобладать дух раздора, что стало наглядной иллюстрацией к словам пророка о том, что энергичность является ключевым качеством для халифа. Бесчисленная масса бунтовщиков осадила престарелого Усмана в Медине, и он, держащий Коран в своих руках, был убит бандой мародеров во главе с братом Аиши, пламенным поборником ислама, который, вполне возможно, втайне и был зачинщиком беспорядков.

Теперь выбор народа пал на Али, однако непримиримая Аиша подговорила двух влиятельных арабских лидеров, Телху и Зобейру, восстать против его власти и поднять бое-

вые флаги в арабской провинции Ирак. Аиша, верхом на верблюде, появилась в решающий момент битвы, в которой вожди восставших потерпели поражение и погибли. Великодушный Али отправил ее к могиле пророка, вблизи которой она безмятежно и провела остаток своих дней. Самому халифу повезло гораздо меньше. Муавия – наместник Сирии и сын Абу Софияна, самый яростный из противников пророка, – решил, что должен отомстить за Усмана, в чьей смерти он обвинил Али и его сторонников. Объявив самого себя истинным халифом, он поднял Сирию с оружием против зятя пророка. В последовавшей за этим войне успех был на стороне Али до тех пор, пока религиозные предрассудки его войск не вынудили его пойти на заключение мирового соглашения. А вскоре после этого он был убит фанатиком в мечети Куфы. Его сын Хасан под угрозами Муавии отказался от своих притязаний и удалился в Медину. Однако его более горячий брат Хусейн с оружием в руках пошел против халифа Язида – сына Муавии. Изложение подробностей его гибели является одним из наиболее душераздирающих и широко освещенным эпизодом восточной истории¹⁰. Сестры и дети Хусейна были спасены милосердием победоносного Язида, и от них происходят многочисленные родовые линии, гордящиеся своими истоками из крови Али и самого пророка.

Арабская империя к этому времени имела внушительные размеры. Египет, Сирия и Персия были завоеваны в царствование Умара. При первых халифах династии Омейядов (названа по имени прадеда Муавия Омейя) удалось завоевать Африку с Испанией, и последние представители этой династии управляли самой обширной империей в мире.

Великий раскол в мусульманской церкви (здесь уместно использовать этот термин, поскольку он единственно доступный в нашем языке. Термин «великий раскол» (Great Schism) в английском языке обозначает раскол на Восточную и Западную церковь, начавшийся в 1054 году и завершившийся в 1472 году. – *Пер.*) начался с приходом рода Омейя. Мусульмане с того времени и по наши дни разделены на две основные секты: суннитов и шиитов – правоверных и раскольников, как можно было бы их назвать, чьи противоположные доктрины, как, например, в католической и протестантской церквях, формируют религиозные убеждения целых самостоятельных наций. Османские и узбекские турки привержены суннитскому направлению. Персы – ярые шииты. Межнациональная и межрелигиозная вражда способствовала тому, чтобы сделать их убежденными и закоренелыми противниками друг друга.

Сунниты считают, что первые четыре халифа были законными наследниками пророка, но поскольку их место среди высшего духовенства определялось степенью святости, то на самую низшую ступень они ставят Али. Шииты же, напротив, убеждены, что сан пророка по справедливости был унаследован сыном его дяди и мужем его дочери. Поэтому они считают Абу Бекра, Умара и Усмана узурпаторами, проклинают и поносят воспоминания о них, в особенности о жестоком Умаре, убийцу которого они почитают как святого. При обсуждении всего, что касается мусульманской религии, необходимо постоянно держать в уме, что Мухаммед и его преемники преуспели в том, чего безрезультатно пытался добиться дальновидный и емкий ум Григория VII, – объединить в одном лице гражданскую и церковную власть. В отличие от раскола восточной и западной, католической и протестантской церквей, который проистекал из разницы во взглядах на вопросы богослужения или на существо религиозной доктрины, в мусульманстве он возник исключительно из-за амбиций и борьбы за светскую власть. Верховная власть в величайшей империи мира была наградой той стороне, которая могла через свое право овладевать умами заполучить самое большое количество верующих людей и восходить на подмостки пророка Божьего. Позже, когда арабы познакомились с учениями греков и персов, появились теологические и метафизические нюансы и отличия, два главных религиозных направления породили многочисленные

¹⁰ Подробнее в «Истории сарацин» Оксли.

сектантские ответвления. Сунниты раздробились на четыре главные секты, каждая из которых тем не менее считается ортодоксальной, поскольку они сходятся во взглядах по основным моментам, но отличаются по второстепенным. Разделение шиитов также произошло на четыре секты, точкой соприкосновения которых является признание права Али и его потомков на имамат – занятие высшего церковного поста. Расхождение во мнениях идет относительно характера доказательств, подтверждающих его права и по вопросу порядка наследования между его потомками. Эти четыре направления и взгляды их последователей выглядят следующим образом:

1. Кайсаниты, которые придерживались мнения о праве семьи Али на имамат, образовали первое и наиболее безопасное из всех течений. Они были названы так по имени одного из руководителей восстания Кайсана. Разделенные, в свою очередь, на еще несколько сект, кайсаниты полагают, что права Али были унаследованы не Хасаном, или Хусейном, а их братом Мухаммедом ибн-Ханафией. Одна из этих сект отстаивает мнение, что имамат должен остаться закрепленным¹¹ именно за Мухаммедом, который никогда не умирал, а время от времени являлся на Землю под разными именами. Другая секта, называемая хашимиты, полагает, что имамат от Мухаммеда ибн-Ханафии унаследовал его сын Абу Хашим, который потом передал его Мухаммеду из рода Аббасов, от которого тот перешел Саффаху – основателю Аббасидской династии халифов¹². Очевидно, что целью этого направления было приукрасить притязания рода Аббасов, которые заклеили Омейядов как узурпаторов и настаивали, что халифат по праву принадлежал им. Абу Муслим – выдающийся полководец, который первым присягнул семье Аббасов, был убежденным, а может, и мнимым сторонником догмата этой секты, единственного, кстати, направления в шиизме, поддерживавшего род Аббасов.

2. Приверженцы второго ответвления шиизма получили название зейдиты. По их мнению, имамат перешел от Хасана и Хусейна к Зейну аль-Абидину, сыну последнего, после чего к Зейду (отсюда и название), сыну Зейна, в то время как большинство других шиитов считают Мухаммеда аль-Бакира, брата Зейда, легитимным имамом. Зейдиты отличаются от остальных шиитов тем, что признают трех первых халифов законными преемниками пророка. Идри, который вырвал у аббасидских халифов часть Африки и основал королевство Фез, был или выдавал себя за потомка Зейда.

3. Гуллаты (крайние) названы так по причине чрезвычайно необычной доктрины, выходящей за рамки здравого смысла. В результате к ней с одинаковым отвращением относятся и остальные шииты, и сунниты. Утверждается, что данная секта существовала уже во времена Али, который сжег некоторых из них на костре за их нечестивые и сумасбродные взгляды. Так, гуллаты убеждены, что был только один имам, и приписывают Али Божественные качества. Некоторые утверждали, что в нем были две сущности (Божественная и человеческая), другие – что только одна человеческая. Также они заявляли, что эта истинная сущность Али путем переселения души переходила к его потомкам, и так будет продолжаться до скончания веков. Другие считали, что переселение души остановилось на Мухаммеде аль-Бакире, сыне Зейна аль-Абидина, который все еще пребывает на Земле, но невидимо, как Хизир – хранитель Колодца жизни, согласно красивой восточной легенде¹³. Прочие, еще

¹¹ Поэтому они были названы «вечные» (*вакфийя*).

¹² Аббас – прародитель этой династии – был дядей пророка. Он получил халифат в свое владение в 750 г. И, передавая власть по наследству от принца к принцу, его наследники сохраняли ее в течение 500 лет. Аль-Мансур – второй халиф этой династии – переместил королевскую резиденцию из Дамаска, где жили Омейяды, в Багдад, который он основал на берегах Тигра. Этот город, который также называли Городом мира, Долиной мира, Домом мира, помимо того, на что может претендовать любой город, приобрел определенную романтическую известность благодаря непревзойденной «Тысяче и одной ночи». Такова великая облагораживающая сила гения.

¹³ Хизир, как предполагают, но возможно, ошибочно, являясь пророком Илиасом, почитается мусульманами за необычайно щедрую благодетельность. Он – даритель молодости в животном и растительном мире. Он облачен в одеяния самых

более дерзкие, отрицали переселение души и заявляли, что божественный Али воцарился на троне в небесах, где гром – это голос, а молнии – бич, которыми он наводит ужас и карает грешников. Эта секта представляет собой первый (хотя и очень ранний) пример внесения того мистицизма в ислам, который, похоже, берет свои начала в мифических дебрях Индии. Как политическая партия гуллатов не запрещались.

4. Это направление не имеет отношения к имамам – наиболее опасным врагам рода Аббаса. Соглашаясь с гуллатами в теории «невидимого» имама, они утверждали, что был еще ряд «видимых» имамов, предшествовавших ему, но исчезнувших. Одно из ответвлений этой секты (себиины, «семерные») закрывало список Исмаилом, внуком Мухаммеда аль-Бакира, седьмым имамом, если считать Али как первого. Эту секту также стали называть исмаилиты, от Исмаила. Другое течение, называвшееся имамиты, продолжало счет от Исмаила через его брата Мусу аль-Казима до Аскери, двенадцатого имама. Поэтому их стали называть двенадцатниками (*иснаашири*). Они верили, что имам Аскери исчез в пещере Хиллы на берегах Евфрата, где он будет незримо пребывать до конца света, когда снова явится мессией (*махди*), чтобы привести человечество к истине. Имамиты, независимо от того, на каком количестве «видимых» имамов они останавливались, понимали, что в политических целях им было необходимо признавать неких имамов-временщиков. Но если зейдиты, которые сходились с ними по этому пункту, требовали, чтобы эти правители обладали такими королевскими добродетелями, как мужество, щедрость, справедливость, мудрость, имамиты заявляли, что их вполне удовлетворит, если те будут обладать всего лишь качествами праведных: регулярно молиться, соблюдать пост, раздавать подаяния. Таким образом, ловкие и амбициозные люди могли посадить любую куклу, которая могла быть объявлена потомком последнего из видимых имамов и возвыситься до управления всем мусульманским миром его именем.

Двенадцатники очень близко подошли к тому, чтобы овладеть халифатом в период первых Аббасидов. Так, прославленный сын Харуна ар-Рашида аль-Мамун, восьмой халиф этой династии, либо под влиянием силы и могущества, которые приобрела партия шиитов, либо, как заявляют историки-востоковеды, под действием уговоров его визиря, восьмого имама Али Ризы, который был шиитом-имамитом, приблизился к тому, чтобы сделать Ризу своим преемником на троне. Он даже снял черные одеяния, принятые в его семье, и стал носить зеленое – цвет Али и пророка. Однако род Аббасов, который насчитывал уже 30 тысяч человек, не согласился с подобным отречением от прав своей династии. Подняв оружие, они объявили халифом дядю аль-Мамуна Ибрагима. Зловредный визирь погиб, и его очень своевременная смерть (по слухам, от яда) спасла сына Харуна ар-Рашида от унижения. Али Риза был предан земле в Мишеде в провинции Хорасан, и его могила до наших дней является местом паломничества верующих персов¹⁴.

Исмаилиты были более успешными в своих попытках заполучить церковную власть, и, как мы теперь видим, значительная часть их владений была отвоевана у рода Аббасидов.

Во все века и во всех частях света религия становилась прикрытием для амбиций, чему очень способствует ее мощное воздействие на невежественные умы. Но политическое влияние религии среди умеренных и рассудительных народов Европы незначительно по срав-

ярких зеленых тонов и стоит на страже Колодца жизни в Стране тьмы. Согласно былинам Востока, Искандер, то есть Александр Великий, решил отправиться на Запад в Страну тьмы, чтобы испытать воды, дающей бессмертие. В течение семи дней он и его спутники продвигались через мрачные и зловещие пустыни. Наконец, они еле-еле различили вдали зеленый свет, который излучала одежда Хизира. По мере того как они приближались, сияние становилось все более и более ослепительным, как самые яркие и чистейшие изумруды. Когда монарх подошел, Хизир опустил чашу в зеленоватую живую воду и протянул ее Искандеру. Однако нетерпение того было столь велико, что он расплескал содержимое чаши, закон же судьбы не позволял стражу источника наполнять ее повторно. Мораль этой истории очевидна. Эта история основывается на историческом факте – путешествии македонцев к храму Амона.

¹⁴ Подробнее у Фрейзера в «Хорасане».

нению с ее властью над более пылкими и впечатлительными уроженцами Азии. Благодаря этому деспотизм на Востоке никогда не отличался спокойным безмятежным характером, как мы могли бы предположить. Не говоря о кровопролитных войнах и массовых расправах, которые происходили под религиозными предлогами в странах от Японии до Индии, мусульманский Восток постоянно, практически без передышек был театром жесточайших драм, в которых амбиции, маскируясь религиозными убеждениями, боролись за империю. И даже в середине XIX века можно было видеть, в случае с ваххабитами, дерзкую, хотя и безрезультатную, попытку фанатиков разжечь революцию в одной из частей Османской империи. Именно это слияние религии и политики посадило семейство Суфавии на трон в Персии в XV веке; то же самое в существенно более ранний период утвердило власть фатимидских халифов в Египте. То, как протекало данное событие, описано историками-востоковедами¹⁵.

Оказанное просвещенным аль-Мамуном содействие развитию литературы и науки расширило интерес к размышлениям и исследованиям до такого уровня, какой до этого времени не был известен в империи арабов. Мозаичные вкрапления философии греков теперь соприкоснулись с возвышенной, хотя и искаженной теологией персов, а мистицизм Индии незаметно примешался к общему потоку знаний. Пожалуй, не стоит верить утверждению арабских историков, что это был тайный и намеренный план персов по подрыву и разложению религиозной идеологии нравов с целью ослабления империи тех, кто превзошел их на поле боя. Тем не менее не сложно заметить, что как трансформация Моисеева вероучения в иудаизм уходила корнями в Персию и эта самая страна распространяла нелепые воззрения, которые исказили простоту Священного Писания, так и истоки большинства сект, которые расцвели в исламе, точно так же можно найти именно в Персии. Не разделяя мнения тех, кто приписывает происхождение всех знаний Индии, можно считать вполне вероятным, что замысловатые метафизика и мистицизм этой страны стали причиной разложения различных религий, которые были распространены в Индостане. По крайней мере, можно заметить, что северо-восток Персии, наиболее близкая к Индии часть страны, был местом, в котором появлялись многие из самозванцев, заявлявших о своем общении с Всевышним. Именно здесь Мани (*Манис*), лидер манихейцев, демонстрировал свое искусство, и именно в Хорасане (*Страна Сунн*) Хаким, который выдавал себя за земное воплощение Всевышнего, поднял революционные флаги против дома Аббасов. И как бы это ни выглядело, но, изучая ранние века истории ислама, можно заметить, что все восстания, сотрясавшие империю халифов, произрастали из слияния притязаний рода Али с текущими философскими доктринами Персии.

Утверждается, что в IX веке от Рождества Христова Абдалла, человек персидского происхождения, проживавший в Ахвазе, на юге Персии, задумал план низвержения империи халифов путем тайного внедрения в ислам атеизма и неверия. Дабы не потрясать давно установившуюся и глубокую приверженность к традиционной религии и власти, он решил распространять свою доктрину постепенно и остановился на мистической цифре 7, как том количестве уровней, через которые должны пройти его последователи до получения великого откровения о ничтожности всех религий и тщетности всех деяний. Политическим прикрытием его учения было признание притязаний потомков Мухаммеда, сына Исмаила, на имамат, и его проповедники (дейзы) были активно приобщены к работе по привлечению новых сторонников по всему халифату. Позже Абдалла переселился в Сирию, где и умер. Его сын и внуки продолжили реализацию этого плана, и при них появился неофит, который быстро заставил всю систему активно работать¹⁶.

¹⁵ Лари и Макризи, процитированные Хаммером.

¹⁶ Макризи является главным авторитетом Хаммера относительно более ранних сведений об Абдалле. Стоит обратить внимание на то, что Абдалла остался незамеченным у Хербелота.

Звали этого человека Кармат, он был уроженцем Куфы, по его имени членов секты называли карматы. Он внес существенные изменения в первоначальную систему Абдаллы, и, поскольку секта стала уже многочисленной и влиятельной, Кармат решил рискнуть опробовать притязания потомков Исмаила силою меча. Он придерживался мнения, что неотъемлемые права на властвование на Земле находятся у, как он охарактеризовал, имама Маасума (*незапятнанный*), своего рода идеала образцового правителя, так же как мудрец у стоиков. Соответственно все правящие владыки были узурпаторами ввиду своих пороков и несовершенства. Воины же идеального владыки должны были низвергнуть всех их без разбора с их тронов. Кармат также учил своих сторонников понимать заповеди и предписания ислама в переносном смысле. Молитва символизировала повиновение имаму Маасуму, подавание означало уплату причитающейся ему десятины (тем самым пополнялись средства общины), соблюдение поста – сохранение в тайне политических сведений об имаме и его деятельности. Внимание следовало уделять не прямому смыслу слов Корана (*тенсил*), а только их толкованию (*тоуил*). Как сторонники Моканны и другие оппоненты рода Аббасов, последователи Кармата выделяли себя, надевая белые одежды, чтобы подчеркнуть свою враждебность правящим халифам, чьи одеяния и штандарты продолжали содержать черный цвет, который они противопоставляли белым флагам рода Омийя. Кровопролитная война между сторонниками Кармата и войсками халифов периодически возобновлялась в течение всего столетия с переменным успехом. В ходе этой войны священный город Мекка был взят сектантами (как это случилось позже с ваххабитами) после того, как, обороняя его, пали 30 тысяч мусульман. Знаменитый Черный камень был с триумфом перевезен в Хайяр, где и пребывал в течение 22 лет, пока не был выкуплен за 50 тысяч дукатов иракским эмиром и возвращен на свое первоначальное место. В итоге, как и многие предшественники карматов, они все-таки были подавлены мощной силой империи, а их имя, но не идеи, было стерто из памяти.

В период соперничества между династией Аббасидов и карматами проповедник последних Абдалла умудрился освободить, возможно, и мнимого потомка Фатимы по имени Обейд-Аллах¹⁷ из тюрьмы, в которую того заключил халиф Мотадхад, а потом отправил освобожденного в Африку и, объявив его обещанным мехди (*мессией*), сумел обеспечить ему владения на северном побережье континента. Свою «благодарность» Обейд-Аллах выразил тем, что отправил на смерть того, кому был обязан приходом к власти. Тем не менее талант и отвага вполне могут существовать без благородства, и Обейд-Аллах со своими двумя потомками расширил свою власть до берегов Атлантики. Моиз-ладин-Аллах, его внук, завоевав Египет и Сирию, благоразумно покинул свои прежние отдаленные владения вдоль средиземноморского побережья и обратил свой взор на более богатую азиатскую империю Аббасидов. Эта династия фатимидских халифов, как они назывались, правила в течение двух столетий в Каире на берегах Нила и находилась во враждебных и сопернических отношениях с теми, кто правил в Багдаде на Тигре. Как любая другая восточная династия, они постепенно обессиливали, и в итоге их трон занял прославленный курд Саладин.

Обейд-Аллах вел свою родословную от Исмаила, седьмого имама. Его род поэтому искал поддержки всей секты «семерных», или исмаилитов, в планах по распространению своей власти на весь мусульманский мир. И очевидно, что их интересам отвечало увеличение численности и влиятельности этой секты настолько, насколько это возможно. Поэтому будет оправданным положительно отнестись к уверениям восточных историков, что в Каире существовала тайная организация, во главе которой стоял один из фатимидских халифов и целью которой являлось распространение учения секты исмаилитов, хотя правдивость отдельных деталей можно поставить и под сомнение.

¹⁷ Истинное происхождение Обейд-Аллаха стало предметом отчаянных споров среди историков и юристов-востоковедов. Те, кто отстаивали интересы династии Аббасидов, напрягали все свои силы, чтобы выставить его самозванцем.

В это общество, как утверждается, входили как мужчины, так и женщины, которые собирались в отдельных помещениях; и представления о том, что женщины не играли особой роли на Востоке, являются ошибочными. Председательствовал в нем главный проповедник (*дай-аль-доат*)¹⁸, который всегда был лицом, занимавшим важный пост в государстве, и нередко был верховным судьей (*кадхи-аль-кадхис*). Их собрания, называвшиеся «Общества мудрости» (*Мейджалис-аль-хикмет*), проводились дважды в неделю, по понедельникам и средам. Все члены приходили одетыми в белое. Председатель, дождавшись халифа, сначала читал ему намеченную на этот день лекцию либо, если это было невозможно, получал его подпись на обратной стороне текста, после чего проходил к собравшимся и зачитывал обращение. В завершение этого присутствующие целовали его руку и благоговейно прикасались своим лбом к подписи халифа. В таком виде общество просуществовало вплоть до правления невероятного безумца халифа Хакима-би-имр-иллаха (*судья по воле Божьей*), который принял решение поставить его на широкую ногу. Он возвел для него роскошное величественное здание, получившее название Дом мудрости (*дар-аль-хикмет*), щедро наполнив его книгами и математическими инструментами. Его двери были открыты для всех, а бумага, письменные принадлежности, чернила в изобилии предоставлялись тем, кто становились его завсегдатаями. Профессора в области права, математики, логики и медицины были назначены для преподавания. А на ученых диспутах, которые зачастую проводились в присутствии халифа, эти профессора появлялись в своих парадных одеяниях (*кхалаа*), которые, как утверждается, точь-в-точь повторяли мантии в английских университетах. Средства, выделенные этому учреждению необычайной щедростью халифа из доходов от получаемых короной десятин, составляли 257 тысяч дукатов в год.

Курс обучения в этом университете продолжался, согласно Макризи, в течение 9 следующих ступеней. 1. Первой целью, достижение которой было длительным и утомительным, являлось вселить сомнения и противоречия в ум претендента и заставить его со слепой уверенностью положиться на знания и мудрость учителя. Для этого он сбивался с толку придирчивыми вопросами; старательно отмечалась абсурдность Корана и несовместимость его со здравым смыслом, при этом давались невнятные намеки, что за всем этим должна лежать некая суть, сладкая на вкус и питательная для души. Но вся остальная информация строжайше утаивалась до тех пор, пока он не согласится связать себя святой клятвой абсолютной веры и слепого подчинения своему наставнику. 2. После клятвы ученику позволялось перейти на второй уровень, на котором насаждалось признание того, что имамы назначены Богом как источники всех знаний. 3. На третьем этапе ему сообщалось, каково же число этих благословенных святых имамов, и это было мистическое число семь. Так как Бог сотворил семь небес, семь миров, морей, планет, металлов, нот и цветов, то семь является и количеством этих самых достойнейших из созданных Богом людей. 4. На четвертом уровне воспитанник узнавал, что Бог послал в мир семь законодателей, каждому из которых предназначалось изменить и усовершенствовать систему своего предшественника. У каждого из них было по семь помощников, которые являлись в промежуток времени между тем, кому они помогают, и его преемником. Эти помощники, поскольку они не проявляют себя как публичные проповедники, назывались безмолвными (*самит*), в противоположность вещающим законодателям. Семью законодателями были: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и Исмаил, сын Джаффара. Семью главными помощниками, называвшимися ситами (*сус*), были: Ситх, Шим, Исмаил (сын Авраама), Арон, Симон, Али и Мухаммед, сын Исмаила. Справедливо подмечено¹⁹, что последний из названных умер в середине XVIII века. Наставник был вправе выбрать кого заблагодарсудится в качестве без-

¹⁸ Проповедник проповедников.

¹⁹ У Хаммера.

молвного пророка среди современников и внушить веру в него и подчинение всякому, кто не перешел на более высокий уровень. 5. Пятая ступень учила тому, что у каждого из семи безмолвных пророков было двенадцать апостолов для распространения веры. Истинность этого числа также доказывалась по аналогии: существует двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать родов в Израиле, двенадцать фаланг на четырех пальцах каждой руки и т. д. 6. Воспитаннику, которого довели до этого уровня и который не продемонстрировал своенравия, вновь предлагалось поразмыслить над заповедями Корана и говорилось, что все позитивные составляющие религии должны подчиняться философии. В результате его в течение длительного времени знакомили с философскими системами Платона и Аристотеля. 7. Когда испытуемый был полностью готов, он допускался на седьмой уровень, где посвящался в мистическое учение пантеизма, которого придерживалась и проповедовала секта суфитов. 8. На восьмой ступени все положительные религиозные принципы вновь подвергались осмыслению, вуаль срывалась с глаз воспитанника, и все, что было до этого, объявлялось лишь строительными лесами для возведения величественного здания знаний. Пророки и наставники, рай и ад – это все ничто. Будущие благодать и страдания – всего лишь бесполезные сны, и любые действия позволительны. 9. Девятый уровень был предназначен лишь для того, чтобы внушить: ни во что верить нельзя, можно делать все что угодно²⁰.

Внимательно знакомясь с тем, что написано о тайных обществах, их порядках, уставах, иерархии, а также об объемах и характере знаний, которые передавались в них, всегда сталкиваешься с трудностями. Поскольку таинственность является главной сутью всего, что касается этих обществ, то возникает вопрос: а получили ли те, кто писал о них и кто был, как правило, враждебно настроен к ним, корректную информацию об их внутреннем устройстве, истинном характере их установок и убеждений? В данном случае в разговоре об обществе, которое процветало главным образом в X–XI веках, приходится полагаться на Макризи, который писал это в XV веке. Источники его информации и по более ранним векам не подвергались сомнению, но неизвестно, кто они были и откуда получали свои сведения. Вероятно, наиболее правильным в данном случае, как и в других ситуациях, будет признать за правду предоставленные сведения в целом, но позволить себе усомниться относительно точности деталей. Так, можно согласиться с фактом существования учебного заведения в Каире и что в нем преподавались мистические учения суфизма, а также то, что учащимся внушалось наличие у халифов Фатимидов прав на власть в халифате, что проповедники оттуда отправлялись по всему Востоку. Но вряд ли стоит доверять легенде о девяти ступенях, через которые должны были пройти воспитанники, или соглашаться с тем, что курс обучения заканчивался доктриной, ниспровергающей любые религии и все нормы морали.

Как уже известно, дай-аль-доат, или главный проповедник, находился в Каире, чтобы руководить деятельностью общества, в то время как подчиненные ему дейзы пошли по всему владению династии Аббасидов, переманивая сторонников для поддержки притязаний Али. Вместе с дейзами путешествовали их товарищи (*рифийик*), которые были лишь до определенного момента посвящены в тайные учения, но им и не полагалось учить либо привлекать новых сторонников, эта почетная обязанность лежала целиком на дейзах. Через деятельность дейз общество распространилось настолько широко, что в 1058 году эмир Бессассири, входивший в него, стал властителем Багдада и сохранял власть в нем в течение целого года. Он чеканил деньги и организовывал богослужения от имени египетского халифа. Тем не менее эмир пал от меча Тогрула Тюркского, к помощи которого воззвал немощный Аббасид, и эти два характерных в истории суверенитета мусульман действия вновь осуществлены

²⁰ Г-н де Саси придерживается мнения, что арабские слова «талил» и «ибакхат» не несут в себе столь сильного смысла, который в них вкладывает Хаммер. Первое, по его мнению, обозначает такой деизм, который рассматривает Всевышнего как нечто умозрительное и отрицает какие-либо моральные отношения между ним и человеком; последнее указывает лишь на освобождение от прямых религиозных заповедей, таких как пост, молитва и т. п., но не от моральных обязательств.

династией Аббасидов. Вскоре после этого, похоже, общество в Каире пошло на спад вместе с утратой влияния халифов Фатимидов. В 1123 году могущественный визирь Афдхал, воспользовавшись беспорядками, вызванными обществом, закрыл дар-аль-хикмет и, скорее всего, разрушил его. Его преемник Мамун разрешил обществу проводить собрания в здании, возведенном по другому случаю, и оно продолжало влачить там свое существование до падения египетского халифата. Политику Афдхала лучше всего, видимо, объясняет положение вещей на Востоке в то время. Халиф в Багдаде стал красивой пустышкой, лишенной всякой реальной власти; бывшие владения династии Аббасидов находились в руках турок-сельджуков; франки владели основной частью Сирии и угрожали Египту, в котором халифы тоже пришли к полной несостоятельности, а вся реальная власть перешла к визирю. И поскольку последнего ничто не беспокоило, кроме сохранения Египта, общество, созданное с целью набора сторонников прав Фатимидов, было для него скорее помехой, чем наоборот. Поэтому он, видимо, и был склонен к тому, чтобы извести его, особенно когда уже появилось его ответвление – общество ассасинов, которое, пренебрегая интересами Фатимидов, искало власти для себя. Теперь можно перейти к рассказу об этой примечательной организации.

Глава 3

Али из Рея. – Его сын Хасан Сабах. – Хасан направлен на учебу в Нишабур. – Встреча с Омаром Хайямом и Низамом аль-Мульком. – Заключенное между ними соглашение. – Хасан представлен Низамом султану Малек-Шаху. – Хасан вынужден покинуть двор. – Притча о нем. – Его собственное изложение обращения в исмаилиты. – Поездка в Египет. – Возвращение в Персию. – Хозяин Аламута

Был такой человек по имени Али, который жил в городе Рей в Персии. Он был рьяным шиитом и утверждал, что его род изначально прибыл из Куфы в Аравии. Однако жители Хорасана считали, что его семья всегда жила в одной из деревень вблизи города Тус, в этой провинции, и потому его притязания на арабские корни были ложными. Али, по всей видимости, был склонен скрывать свои убеждения и в самых клятвенных заверениях убеждал наместника провинции, сурового суннита, в своей правоте. В конце концов он удалился в монастырь, чтобы провести остатки своих дней в медитационных размышлениях. В качестве еще одной попытки очистить себя от обвинений в ереси он отправил своего единственного сына Хасана Сабаха²¹ в Нишабур в обучение к известному имаму Моуафeku в его обители. Чему он научил молодого Хасана и что они могли обсуждать в последующем общении друг с другом, история умалчивает.

Слава об имаме Моуафeku была велика во всей Персии, в те времена существовало убеждение, что те, кто удостоился счастья изучать Коран и Сунну²² под его началом, обеспечивали свое существование и в загробной жизни. Соответственно, его школа была полна молодежи, жаждущей знаний и признания в будущем. Здесь Хасан встретил и очень близко сошелся с Омаром Хайямом, прославившимся впоследствии как поэт и астроном, а также с Низамом аль-Мульком (*Управление королевством*), который стал визирем у монархов королевства сельджуков. Последний в книге, которую он написал о себе и о своем времени, приводит следующий пример того, как рано в Хасане стали проявляться амбиции. Однажды, когда все трое, являвшиеся наиболее преуспевающими учениками имама, были вместе, Хасан сказал: «Считается, что воспитанники имама обеспечены счастливым будущим. Это правило может быть проверено на одном из нас. Давайте же поклянемся друг перед другом, что тот из нас, кто преуспеет, поможет двум другим разделить свою счастливую участь». Два его товарища охотно согласились, и клятва была дана.

Низам аль-Мульк пошел в политику, где его таланты и выдающиеся способности могли проявиться со всей полнотой. Он прошел через различные должностные ступеньки, пока, наконец, не получил высший пост в королевстве – визиря при Альп Арслане (*Могучий Лев*), втором монархе в династии Сельджукидов. Взлетев столь высоко, он не забыл своих старых друзей и, стараясь сдержать данное им обещание, с величайшей любезностью принял Омара Хайяма, который дожидался его, чтобы поздравить с таким повышением. Новый визирь предложил использовать все свои возможности, чтобы получить пост в правительстве для своего друга. Однако Омар, который был привержен эпикурейским наслаждениям и избегал всяческих трудов и забот, поблагодарив своего друга, отказался от предложенных услуг. Все,

²¹ Также Хасан бен-Сабах (сын Сабаха), названный по имени Сабаха Хомайри, якобы одного из его арабских предков.

²² Сунна – свод основных устоев у правоверных мусульман, соответствующий Мишне у евреев.

на что визирь смог его уговорить, – это согласиться на ежегодную пенсию в размере 1200 дукатов из казны Нишабура, в котором тот поселился, чтобы провести свои дни в тишине и спокойствии.

По-другому все было с Хасаном. В течение 10 лет правления Альп Арслана он держался вдалеке от визиря, возможно вынашивая собственные планы на будущее. Но когда на трон взошел молодой принц Малек-Шах (*Король Королей*), он понял, что его время пришло. Внезапно появившись во дворе молодого монарха, он стал ожидать могущественного визиря. Эта история рассказана самим визирем в его книге, озаглавленной «Васайя» (*Политическое устройство*), по которой ее излагает Мирхонд.

«Он пришел ко мне в Нишабур в год, когда Малек-Шах, избавившись от Каварда, усмирив волнения, вызванные его восстанием. Я принял его с величайшими почестями и со своей стороны исполнил все, что можно ожидать от человека, который является верным своей клятве и рабом заключенных соглашений. Каждый день я представлял ему новые доказательства своей дружбы и старался угождать его желаниям. Однажды он сказал мне:

– Ходжа (*господин*), ты принадлежишь к числу ученейших и достойнейших, ты знаешь, что блага этого мира не более чем кратковременные наслаждения. Неужели ты позволишь себе нарушить свои обязательства, дав обольстить себя привлекательной силой величия и любви народа? И не попадешь ли ты в число тех, *кто нарушил клятву, данную пред Всевышним* (выделено автором. – *Пер.*).

– Да хранят меня Небеса от этого! – ответил я.

– Хотя ты осыпашь меня почестями, – продолжал он, – и хотя проявляемые тобой ко мне милости не имеют числа, ты не можешь не знать, что это совсем не то, как следует выполнять данную нами когда-то клятву не забывать друг друга.

– Ты прав, – сказал я, – и я готов сделать для тебя то, что я обещал. Весь почет и власть, которыми я обладаю, которые получены от моих предков и добыты мною самостоятельно, принадлежат тебе наравне со мной.

После этого я ввел его в окружение султана, дал ему чин и необходимые титулы и рассказал владыке обо всем, что было между нами в прошлом. Я настолько хвалебно отзывался об уровне его знаний, отличных способностях и высоких моральных качествах, что он получил пост министра и доверенного лица. Но, как и его отец, он был плутом, лицемером, тем, кто умел обманывать, и негодяем. Он настолько хорошо владел искусством прикрываться внешне честной и добродетельной натурой, что в короткое время целиком овладел расположением султана и внушил ему такое доверие к себе, что владыка слепо следовал его советам в большинстве вопросов такого значения и важности, какие требовали огромной честности и искренности, а для монарха всегда решающим было лишь мнение Хасана. Все это я рассказал для того, чтобы было понятно – именно я был тем, кто привел его к такому успеху. И вот, как следствие его дурной натуры, между мной и султаном начались трения, неприятным результатом которых, похоже, стало то, что в течение многих лет завоеванные и работавшие на меня положительная репутация и расположение превратились в пыль, были уничтожены. И в завершение злобность Хасана внезапно вырвалась наружу, а сила его зависти проявила себя самым ужасным образом в его действиях и словах».

Фактически Хасан сыграл роль предавшего друга. Все, что происходило в диване (государственный совет в Турции. – *Пер.*), подробнейшим образом передавалось султану и истолковывалось в самом дурном свете, а в удобные моменты делались намеки на некомпетентность и нечестность визиря. Сам визирь оставил описание, как он считает, самой худшей интриги своего бывшего школьного товарища, которую тот пытался провернуть. Султан, видимо желая точно и регулярно видеть баланс доходов и расходов своей империи, дал указание Низаму аль-Мульку подготовить его. Визирь запросил на выполнение этой задачи больше года времени. Хасан посчитал, что это хорошая возможность проявить себя,

и дерзнул предложить выполнить требование султана за 40 дней, то есть меньше чем за одну десятую времени, которое требовалось визирю. Все работники финансового департамента немедленно были предоставлены в распоряжение Хасана. Сам визирь признает, что к концу 40-го дня баланс уже был готов к тому, чтобы быть представленным султану. Тем не менее в момент, когда можно было бы ожидать триумфа Хасана, наслаждающегося высочайшим расположением монарха, он опозоренным покидает двор и обещает отомстить султану и его министру. Этот случай остался без разъяснений со стороны «Гордости королевства», который тем не менее со всей *наивностью* (выделено автором. – *Пер.*) признает, что если Хасан не был принужден покинуть двор, то мог уйти и по своей воле. Другие же историки сообщают, что визирь в страхе перед последствиями прибегнул к помощи уловки и сумел выкрасть часть бумаг Хасана, так что, когда тот предстал перед султаном полным надежд и гордости и начал свой доклад, то ему пришлось остановиться из-за нехватки одного из самых важных документов. Поскольку он не смог объяснить причины заминки, султан пришел в ярость, посчитав это попыткой обмануть себя, и Хасан немедленно в величайшей спешке был вынужден покинуть двор.

Низам аль-Мульк, твердо настроившись не сдерживать себя в действиях с человеком, который пытался разрушить его жизнь, решил уничтожить его. Хасан бежал в Рей, но, не чувствуя себя там в безопасности, отправился дальше на юг и нашел убежище у своего друга – рейса²³ Абу эль-Фазла (Отец Совершенства) в городе Исфахане. Каковы были его планы до этого момента, неясно, но теперь, похоже, они приобрели определенную форму, и он беспрестанно размышлял о том, как отомстить за себя султану и визирю. Как-то в беседе с Абу эль-Фазлом, который, по всей видимости, согласился с его все же спорными убеждениями, Хасан, излив свою обиду на визиря и его хозяина, страстно завершил свою речь:

– Эх, если б только у меня было два верных друга, абсолютно преданных мне! Быстро б я опрокинул этого турка и крестьянина.

Под последними, естественно, понимались султан и визирь. Абу эль-Фазл, который был одним из наиболее ясно мыслящих людей своего времени и который еще не успел постичь дальновидные планы Хасана, предположил, что разочарование смутило рассудок его друга, и, будучи уверенным, что в данном случае убеждения не помогут, стал подавать ему с едой ароматные напитки и блюда, приготовленные с шафраном, с целью успокоить его мозг. Хасан, ощутив намерения его гостеприимного хозяина, решил покинуть его. Абу эль-Фазл напрасно задействовал все свое красноречие, чтобы уговорить того продлить свое пребывание. Хасан уехал и вскоре после этого обосновался в Египте.

Двадцать лет спустя, когда Хасан осуществил все, что замыслил, и султан с визирем были оба мертвы, а союз ассасинов уже был полностью сформирован, рейс Абу эль-Фазл, являвшийся одним из наиболее рьяных его поборников, нанес ему визит в крепость Аламут.

– Ну что, рейс, – заявил Хасан, – кто из нас был сумасшедшим? Кто из нас – ты или я – больше нуждается в ароматических напитках и блюдах с шафраном, которыми ты когда-то потчевал меня в Исфахане? Видишь, я сдержал свое слово сразу, как только нашел двух верных друзей.

Когда Хасан в 1078 году покинул Исфахан, халиф Мостансер, человек достаточно энергичный, занял трон в Египте, и миссионерами каирского общества стали предприниматься значительные усилия во всей Азии по привлечению новых приверженцев. Среди них оказался Хасан Сабах, и описание его перехода в другую веру, которое, по счастью, сохранилось в его собственном изложении, представляет интерес, поскольку доказывает, что, как

²³ Рейс – от арабского *рэс* (лидер), в определенной мере соответствует слову «капитан» с похожим происхождением. Так, человек, управляющий кораблем, называется рейс. По словам сэра Дж. Малколма, «оно является эквивалентом слова «эсквайр» в его первоначальном понимании. В Персии это подразумевает владение землей и некой судейской властью. Рейс – это обычно потомственный предводитель в деревне».

Кромвель и, как было предположено выше, Мухаммед, а также все те, кто пришел к мирской власти через религию, он начинал с искренней веры и сам был введен в заблуждение прежде, чем начал вводить в заблуждение других. Он рассказывает следующее:

«С самого детства, уже с семи лет, моим единственным стремлением было приобретение знаний и навыков. Как и мой отец, я был взращен на учении двенадцати имамов, а потом я познакомился с другом (*рифшик*), исмаилитом по имени Эмир Дареб, с которым нас сплотили тесные узы дружбы. Я придерживался мнения, что принципы исмаилитов имели много схожего с учениями философов и что правитель Египта был принят в их общину. Поэтому, как только Эмир начинал говорить что-либо в поддержку этого учения, я вступал с ним в спор, и множество противоречий по вопросам веры возникло в результате между ним и мной. Я не уступал ни в чем, что Эмир говорил, хуля нашу веру, тем не менее все это оставило глубокий след в моем сознании. Между тем мои пути с Эмиром разошлись, и я впал в крайне болезненное состояние, в котором я бранил самого себя, говоря, что несомненно учение исмаилитов является правильным и что только из-за своего упрямства я не пришел к нему, а теперь, если смерть настигнет меня (избави меня Бог от этого!), я умру, не постигнув истины. Со временем я оправился от этой болезни, и теперь встретил другого исмаилита по имени Абу Нейм Зарай, которого я попросил раскрыть мне истину их учения. Абу Нейм объяснил мне ее наиподробнее образом так, что я смог проникнуть достаточно глубоко в ее суть. В конце концов я встретил дая по имени Мумин, которому шейх Абд аль-Мелик (*Слуга Господа*) бен-Атташ, руководитель иракской общины, позволил выполнять эту роль. Я стал умолять его принять от меня клятву верности (именем халифа Фатимида), но он поначалу отказался сделать это, поскольку я был более высокого положения, чем он. Однако после того, как я надавил на него вне всяких мер, он уступил и дал согласие. Теперь, когда шейх Абд аль-Мелик приехал в Рей и нас познакомили друг с другом, мое поведение очень поразовало его, и он пожаловал мне звание дая. Шейх молвил мне:

– Ты должен идти в Египет и разделить счастье служения имаму Мостандеру.

Когда шейх Абд аль-Мелик уехал из Рея в Исфahan, я направился в Египет»²⁴.

В изложении своих мыслей и ощущений Хасаном Сабахом есть нечто крайне интересное, особенно если учесть, что речь идет о человеке, который впоследствии создал общество ассасинов, на длительное время ставшее бичом Востока. Здесь, с его собственных слов, он видится человеком, трепещущим от мысли, что может умереть, не обратившись в истинную веру, между тем позже, если доверять восточным историкам, он пришел к убеждению, что любые деяния человека остаются без последствий. К сожалению, подобный отход от добродетели к пороку происходил столь часто, что позволяет усомниться, имело ли место нечто подобное в случае с Хасаном Сабахом. Эта история наводит еще и на другие размышления: есть ли что-нибудь более абсурдное, чем вопросы, по которым мусульмане раскололись на разные секты? И еще: до каких глубин действовало при этом сознание и искренне ли принимались и отстаивались эти убеждения? Не похоже ли это в определенной степени на расхождение среди христиан, которые разъединены на части не по существенным догматическим вопросам своей религии, а по вполне второстепенным моментам?

Хасан по прибытии в Египет, куда слава о нем добралась раньше, был принят со всеми проявлениями почета. Его известные таланты, а также сведения о высоком расположении и уважении, какими он пользовался при дворе Малек-Шаха, позволили халифу считать его самым ценным приобретением для дела исмаилитов, поэтому не было стеснения в средствах для ублажения и потакания гостю. У ворот его встречали дай-аль-доат, шериф Тахер Касвини и несколько других высокопоставленных особ. Влиятельные государственные и придворные особы ожидали его, как только он вступил в Каир, где халиф предоставил ему удобное

²⁴ Мирхонд.

жилище и обеспечил его почетом и другими знаками своего расположения. Однако халифы-Фатимиды привыкли жить настолько изолированно, что в течение восемнадцати месяцев, которые, как утверждается, Хасан провел в Каире, он ни разу не видел Мостансера, притом что монарх всегда демонстрировал всяческое внимание к нему и не говорил о нем иначе, как с высочайшим одобрением.

Пока Хасан жил в Египте, встал вопрос наследования трона, явившийся (как и всегда в восточных монархиях) причиной раздора и ожесточенных споров при дворе. Халиф объявил своим наследником старшего сына Несара. Однако Бедр аль-Джемали, Эмир аль-Джуйуш, главнокомандующий армией, который пользовался почти неограниченной властью при Фатимидах, отстаивал первоочередное право наследования второго сына халифа Мустии-али. Хасан Сабах не очень дальновидно, как оказалось, принял сторону принца Несара, чем навлек на себя враждебность Бедра аль-Джемали, который задумал уничтожить его. Не желая этого халиф напрасно бился с могущественным и влиятельным Эмиром аль-Джуйушем и в итоге был вынужден издать указ о тюремном заключении Хасана в замке Дамиетта.

Когда Хасан находился в заключении в Дамиекте, одна из городских башен рухнула без всяких видимых причин. Поскольку сторонники Хасана и халиф восприняли это как чудо, его враги, чтобы не дать возможности извлечь какую-либо пользу из этого события, спешно переправили узника на борт судна, отправлявшегося в Африку. Не успело судно выйти в море, как началась страшнейшая буря. Морские волны вздымались как горы, гремел гром и сверкали молнии. Ужас обуял всех, кто был на борту, за исключением Хасана, который спокойно и невозмутимо смотрел на буйство стихии, в то время как прочие в агонии глядели на перспективу скорой смерти. Когда его спросили о причине такого спокойствия, он дал ответ, подражая, возможно, святому Павлу: «Наш Владыка (*сейдна*) обещал, что ничто дурное не случится со мной». Вскоре после этого шторм стих и море успокоилось. Команда и пассажиры считали его теперь человеком, находящимся под особой защитой Небес, а после того, как поднялся свежий западный ветер, принесший их к берегам Сирии, никто уже не стал противиться тому, чтобы он покинул судно и сошел на берег.

Хасан направился в Алеппо, где он на некоторое время задержался, а потом взял курс на Багдад. Из этого города он перебрался в Персию, преодолел провинцию Хузистан и, посетив города Исфahan и Йезд, продолжил путь в восточную провинцию Керман, повсеместно приобретая сторонников своих взглядов. Потом он вернулся в Исфahan, где остался на четыре месяца. Следующие три месяца он провел в Хузистане, остановив свой взор на городе Дамаган и его окрестностях в Ираке как на месте, предназначенном для концентрации власти, которую он задумал приобрести. Три года Хасан провел здесь, набирая сторонников среди местных жителей. С этой целью он задействовал самых красноречивых даев, каких только мог найти, и поручил им всеми средствами завоевывать умы жителей многочисленных городов-крепостей, которыми изобиловали холмы этого региона. Пока его даи работали, Хасан перебрался дальше на север в районы Джориан и Дилем, а когда посчитал, что пришло подходящее время, вернулся в иракскую провинцию, в которой Хусейн Каини, один из его наиболее рьяных проповедников, уже давно убеждал жителей хорошо укрепленной крепости Аламут присягнуть на верность халифу Мостансеру. Доводы дая показались убедительными для подавляющего большинства жителей, однако начальник Али Мехди, честный и достойный человек, чьи предки построили эту крепость, оставался вместе с немногими другими верным своему долгу и не собирался признавать других духовных правителей, кроме аббасидского халифа в Багдаде, и никакого другого правителя, кроме сельджукского Малек-Шаха. Мехди, когда впервые узнал о распространении исмаилизма среди своего населения, изгнал тех, кто принял эту веру, но потом разрешил им вернуться. Уверенный в сильной поддержке со стороны общины в городе, Хасан якобы использовал против правителя такую же

уловку, какой королева Дайдо, как утверждается, обманула ливийцев²⁵. Он предложил Мехди 3 тысячи дукатов за такое количество земли, которое он сможет охватить воловьей шкурой. Простодушный правитель согласился, и Хасан, постоянно отрезая по тонкой полоске от шкуры, целиком окружил ею стены Аламута. Мехди, поняв, что его провели, отказался выполнить соглашение. Хасан обратился к правосудию и к силе оружия своих сторонников внутри крепости, при помощи которых вынудил начальника крепости покинуть Аламут. Когда Мехди был готов отправиться в Дамаган, куда он собрался удалиться, Хасан вручил ему послание к правителю замка Кирдку рейсу Мозаффару следующего содержания: «Рейсу Мозаффару следует уплатить Мехди, последователю Али, 3 тысячи дукатов в качестве платы за крепость Аламут. Да придут в мире Пророк и его семья! Да придёт с нами Бог, самый совершенный из всех правителей!» Мехди не верилось, что столь значительный человек, как Мозаффар, который занимал важное место в правительстве сельджукских султанов, уделит малейшее внимание указанию какого-то авантюриста вроде Хасана Сабаха. Тем не менее он решил, то ли из любопытства, то ли, как утверждается, под давлением нужды в деньгах, попытаться узнать, что произойдет. Поэтому он вручил послание и, к своему огромному удивлению, немедленно получил 3 тысячи дукатов. На самом деле рейс уже давно втайне являлся одним из наиболее преданных последователей Хасана Сабаха.

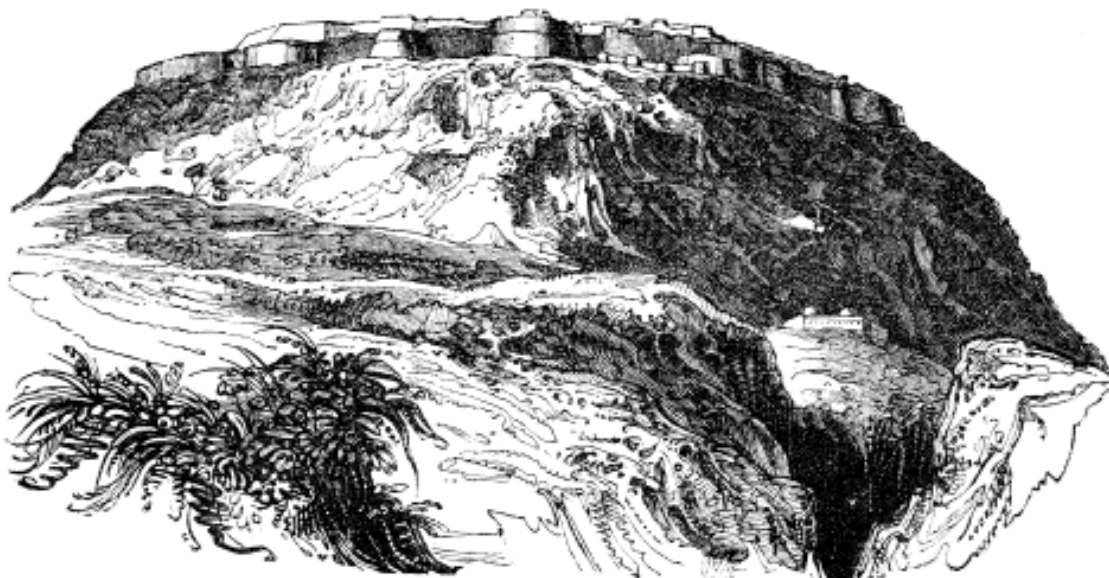

Рис. 1. Горная крепость

Историки стараются не уделять особого внимания дате, когда Хасан Сабах стал хозяином Аламута, которому суждено было стать главным местом сосредоточения сил исмаилитов, а именно в ночь среды, шестого числа месяца риджиб в 483 году от Хейры. Этот год соответствует 1090 году от Рождества Христова, следовательно, ассасины приобрели собственные владения всего лишь за 9 лет до того, как христиане Запада создали собственную империю в Святой земле.

²⁵ Сэр Дж. Малколм рассказывает, что человек, с которым он читал эту историю в Персии, отметил, что данная хитрость была хорошо известна англичанам, поскольку именно с ее помощью они отобрали Калькутту у незадачливого императора в Дели.

Глава 4

Описание Аламута. – Безуспешные попытки вернуть его. – Расширение влияния исмаилитов. – Исмаилиты в Сирии. – Покушение на Абу Харда Иссу. – Заключенное с султаном Санжаром соглашение. – Смерть Хасана. – Его образ

Название Аламут, столь известное в истории Востока, означает «гнездо стервятника» и своим происхождением обязано высокому месту, на котором расположена крепость. Она была построена в 860 году на вершине холма, который своими очертаниями напоминает лежащего льва, уткнувшего носом в землю, с координатами, согласно Хаммеру, 50,5° восточной долготы и 36° северной широты. Она считалась самой неприступной из 50 крепостей такого типа, разбросанных в регионе Рудбар (*Речная страна*), горной местности, которая образует границу между персидским Ираком и северными провинциями Дилем и Таберистан и через который протекает Королевская река (*Шахруд*). Как только Хасан оказался хозяином этого стратегически важного места, он стал искать пути его укрепления. Он отремонтировал существовавшие стены и выстроил новые, пробурил колодцы, прорыл канал, который со значительного расстояния доставлял воду к самой крепости. Поскольку владение Аламутом сделало его и хозяином окрестных земель, он быстро научился относиться к местным жителям как к своим подданным, поощрял их к земледелию, разбил крупные сады фруктовых деревьев вокруг возвышенности, на которой находилась крепость.

Но прежде чем у Хасана появилось время начать, а не то чтобы завершить планы по развитию своего хозяйства, он столкнулся с угрозой потерять все с таким трудом добытые плоды. Не стоило ожидать, что эмир, которого султан одарил провинцией Рудбар, будет спокойно наблюдать, как его самая мощная крепость перешла в руки врага династии Сельджукидов. У Хасана не хватило времени заполнить склады и амбары, когда он обнаружил, что все подступы к городу отрезаны войсками эмира. Жители были готовы покинуть Аламут, но Хасан проявил обычное для него умение силою духа воздействовать на умы и твердо заверил их, что именно в этом месте судьба будет на их стороне. Они поверили его словам и остались. Со временем их непреклонность измотала терпение эмира, и Аламут тем самым приобрел название «Обитель удачи». Султан, который поначалу презрительно относился к достижениям своего экс-министра, вскоре начал со все большей тревогой задумываться о его возможных конечных замыслах и в 1092 году приказал эмиру Арсланташу (*Львиный камень*) расправиться с Хасаном и его сторонниками. Арсланташ осадил Аламут. Хасан, хотя у него было не более 70 человек и ощущалась нехватка продовольствия, храбро оборонялся. В это время Абу Али, правитель Касвина, который тайно был одним из даев, не выслал 300 человек ему на подмогу. Они атаковали войска эмира внезапно ночью, одновременно небольшой гарнизон организовал вылазку. Войска султана обратились в бегство, и Аламут остался в руках исмаилитов. Практически в то же время Малек-Шах выслал войска против Хусейна Каини, который активно поддерживал действия Хасана Сабаха в Кухистане. Хусейн укрылся в Муминабаде – крепости почти столь же неприступной, как и Аламут, и войска султана напрасно пытались ее штурмовать. И именно в этот момент Хасан начал демонстрировать работу системы, о которой теперь стоит сказать подробнее. Престарелый визирь, великий и благородный Низам аль-Мульк, погиб от кинжалов его лазутчиков, да и султан быстро последовал за своим визирем в могилу не без помощи таинственного яда.

Обстоятельства ныне были особенно благоприятными для реализации планов Хасана Сабаха. Со смертью султана Малек-Шаха разразилась гражданская война между его сыновьями за престол. Все военачальники и высокопоставленные чины были вовлечены в борьбу на той или другой стороне, и никому не было никакого дела до успехов исмаилитов, которые между тем продолжали набирать силу, и крепость за крепостью попадали к ним в руки. В течение десяти лет они получили контроль над основными крепостями персидского Ирака. Они подчинили Шахдор²⁶ (*Жемчужина короля*) и две другие крепости вблизи Исфахана, Халанхан у границ с Фарсом и Кухиستانом, Дамаган, Кирдку и Фирузку в округе Комис, Ламсир и несколько других в Кухистане. Напрасно наиболее почитаемые имамы и правоведы распространяли свои *фетвы* (мнения, решения, оценки, выносимые по каким-либо вопросам, приравняемые к вердикту. – *Ред.*) против секты исмаилитов и сулили им вечные муки в будущем; тщетно призывали они правоверных мечом справедливости освободить землю от этого безбожного и гнусного племени. Секта, сильная своими невидимыми узами единения и целеустремленности, развивалась и процветала. Кинжал мстил за тех, кто погибал от меча, и, как отметили европейские востоковеды, изучавшие это общество, «головы скашивались как богатый урожай под двойным серпом меча праведных и кинжала убийц».

Появление исмаилитов в их новой форме организации в Сирии произошло во время Крестовых походов на Святую землю. Эту страну уже покорили турки-сельджуки, и различные вожди, контролировавшие Дамаск, Алеппо и другие города с их окрестностями, часть из которых находилась под турецким, а часть под сирийским влиянием, были в постоянной вражде друг с другом. Такая мощная внешняя сила, как последователи Хасана Сабаха, не могли не приниматься в расчет. Рисван, принц Алеппский, столь известный в истории Крестовых походов, в открытую поддерживал и покровительствовал им, при нем всегда находился представитель исмаилитов. Первым, кто занял этот пост, был астролог, после его смерти эта должность перешла к персидскому ювелиру по имени Абу Тахер Иссейг. Враги Рисвана почувствовали результат его союза с исмаилитами. Так, принц Имесса погиб от их кинжала, когда намеревался помочь замку Курдс, который был осажден графом Тулузским Раймондом.

Рисван передал в руки Абу эль-Феттаха, племянника Хасана Сабаха, замок Сармин, расположенный в одном дне пути к югу от Алеппо, а его дай-эль-кебиру (*Великий проповедник*) – провинцию в Сирии. Правителем этой крепости был Абу Тахер Иссейг. Несколько лет спустя (в 1107 году) жители Апаimei обратились к нему за помощью в противостоянии своему египетскому наместнику Халафу. Абу Тахер взял под контроль город от имени Рисвана, но Танкред, находившийся в состоянии войны с принцем, подойдя и атаковав город, вынудил его защитников капитулировать. В качестве условия Абу Тахер выдвинул свободный выход для себя самого. Танкред, нарушив соглашение, схватил его и привез в Антиох, где тот оставался, пока за него не был уплачен выкуп. Абу эль-Феттах и другие исмаилиты посвятили себя мести сыновьям Халафа. Танкред тем временем отобрал у них другую сильную крепость – Кефрлана. Это можно отметить как первое открытое столкновение крестоносцев с ассасинами, как сейчас их уже можно называть. Теперь стоит объяснить и происхождение этого названия.

²⁶ Этот замок был построен султаном Малек-Шахом. История его появления такова. Когда Малек-Шах, большой любитель поохотиться, предавался однажды этому развлечению, одна из собак, сбившись с пути, оказалась на почти недоступной горе, на которой впоследствии и был возведен замок. Посол византийского императора, участвовавший в охоте, обратил внимание султана на то, что во владениях его государя столь выгодное место не осталось бы незанятым и на нем уже давно бы воцарился замок. Султан последовал совету посла и построил замок «Жемчужина короля» на этой высокой горе. Когда «Жемчужина» попала в руки исмаилитов, набожные мусульмане подметили, что по-другому с ней быть и не могло, поскольку место было указано собакой (нечестивое животное, с их точки зрения), а ее строительство посоветовал неверный.

По возвращении Абу Тахера в Алеппо произошло весьма примечательное покушение. Был такой богатый купец по имени Абу Хард Исса²⁷, заклятый враг исмаилитов, который истратил значительные суммы денег, пытаясь нанести им урон. Он как раз прибыл из Туркестана с обильно нагруженным караваном из 500 верблюдов. Исмаилит по имени Ахмед, уроженец Рея, тайно сопровождал его с момента выхода каравана из Хорасана с намерением отомстить за смерть отца, погибшего от стрел воинов Абу Харда. Прибыв в Алеппо, этот исмаилит немедленно обратился к Абу Тахеру и Рисвану. Жажда мести и надежда заполучить богатства враждебного купца заставили их тут же дать добро на убийство. Абу Тахер послал Ахмеду необходимое количество помощников, а Рисван обещал содействие своей стражи. В один из дней, когда купец в окружении своих рабов пересчитывал верблюдов, убийцы напали на него. Однако преданные рабы отважно защищали хозяина, и исмаилиты своей жизнью искупили вину. Сирийские принцы стали осыпать Рисвана упреками в столь скандальном нарушении законов гостеприимства, и он тщетно пытался оправдать себя, прикрываясь полным неведением. Поскольку увеличивавшаяся неприязнь жителей Алеппо к секте делала город местом небезопасным для жизни, Абу Тахер вернулся в Персию, свою родную страну, оставив своего сына Абу эль-Феттаху заниматься делами общества вместо себя.

Захват замков и других укрепленных мест стал уже открытой и общепринятой задачей общества, целью которого, очевидно, была вся азиатская империя, и для реализации этого плана ни одно средство не оставалось незадействованным. В 1108 году была совершена отчаянная попытка завладеть хорошо укрепленным замком Хизар в Сирии, который принадлежал роду Монкад. Началось празднование Пасхи, когда мусульманский гарнизон по традиции спускался в город, чтобы принять участие в торжествах христиан, и, пока он отсутствовал, исмаилиты проникли в замок и заперли ворота. Когда ближе к ночи гарнизон вернулся, их просто не впустили. Но исмаилиты оказались слишком беспечными в своей уверенности, что крепость неприступна. Женщины подняли своих мужей по веревкам, выброшенным из окон, и непрошенных гостей быстро изгнали.

В 1113 году, когда Мевдуд, принц Мосула, в праздничный день бродил по мечети в Дамаске, он был убит исмаилитом. Убийцу тут же изрубили на куски.

Этот год тем не менее оказался почти роковым для сирийского общества. Рисван, их главный покровитель, умер. Евнух Лулу из стражи его младшего сына был заклятым врагом исмаилитов. Незамедлительно появился приказ об их полном истреблении, и в результате более 300 мужчин, женщин и детей было убито, еще 200 брошено в тюрьму. Абу эль-Феттах был замучен до смерти, его тело разрублено на части и сожжено у ворот, выходящих на Ирак, а голова провезена через всю Сирию. Однако их гибель не осталась неотомщенной. Кинжалы общества были направлены на правителей и вельмож, многие из которых пали их жертвами. Например, в 1115 году, когда атабек (от *тюрк.* «ата» – отец и «бек» – знатный; воспитатель наследников сельджукских султанов, наследственный титул. – *Ред.*) Тогтегин получил аудиенцию во дворе халифа в Багдаде, правитель Хорасана подвергся нападению трех исмаилитов, которые, вероятно, ошибочно приняли его за атабека, он и все нападавшие погибли. В 1119 году на губернатора Алеппо Бедия и его сыновей, направлявшихся во дворец к эмиру Ил-Гази, напали два ассасина. Бедий и один из его сыновей сразу были убиты стрелами, другие его сыновья зарубили убийц, но неожиданно появился третий, который нанес смертельный удар одному из сыновей, который уже был ранен. Убийцу захватили и

²⁷ То есть Иисус. В данном случае можно увидеть, что имена из Ветхого Завета все еще используются на Востоке. Ибрагим – Авраам; Исмаил – Ишмаил; Яшуа – Яков; Юсуф – Иосиф; Мусса – Моисей; Дауд – Давид; Сулейман – Соломон и Исса – Йошуа или Иисус.

привели к Тогтегину и Ил-Гази, которые приказали всего лишь заключить его в тюрьму, но тот утопился, чтобы избежать мести.

Фактически к этому времени страх перед последователями Хасана Сабаха въелся глубоко в души всех властителей Востока, поскольку ничто не спасало их от кинжалов убийц. Соответственно, когда в следующем, 1120 году Абу Мухаммед, предводитель ассасинов в Алеппо, где они вновь обосновались, был послан к влиятельному Ил-Гази, чтобы потребовать от него передачи замка Шериф, находящегося вблизи этого города, тот побоялся отказать. Но жители Алеппо по призыву одного из сограждан (который быстро заплатил за свой совет жизнью), собравшись вместе, сровняли с землей стены замка, засыпали рвы и тем самым объединили его с остальным городом. Даже великий Нур-эд-Дин (*Светоч Религии*) несколько лет спустя был вынужден прибегнуть к такому же трюку, чтобы спасти замок Бейтлаха от перехода в руки исмаилитов.

Такая же система была задействована и в Персии, где султан Санжар, сын Малек-Шаха, объединил под своим скипетром большую часть владений своего отца и Факр аль-Мулька (*Слава королевства*). Сын и преемник Низама аль-Мулька, а также Чакар Бег, выдающийся дядя султана, погибли от кинжалов лазутчиков Хасана Сабаха. Сам султан Санжар уже был готов отправиться в поход, намереваясь осадить Аламут и другие опорные пункты исмаилитов, когда утром, проснувшись, он обнаружил кинжал, воткнутый в пол недалеко от его кровати. Султан был перепуган, но сумел скрыть свой ужас, а несколькими днями позже пришла короткая записка из Аламута со следующими словами: «Не будь мы хорошо расположены к султану, кинжал пронзил бы его грудь, а не пол». Санжар вспомнил, что его брат Мухаммед, который осаждал крепости Ламсир и Аламут, умер внезапной смертью как раз в момент, когда те были на грани капитуляции, – событие настолько своевременное для ассасинов, что было вполне естественным увязать его с убийцами из Аламута, – и посчитал, что безопаснее всего не вставать на пути столь опасных противников. В результате он прислушался к предложению о мире, который был заключен на следующих условиях:

- 1) исмаилиты не будут более укреплять свои крепости;
- 2) они не будут покупать оружие и боевые устройства;

3) они не будут продолжать обращать в свою веру местных жителей. В свою очередь, султан освободил исмаилитов от всех сборов и налогов в округе Кирдкох и назначил им в качестве ежегодных отчислений часть доходов региона Комис. Чтобы ясно представлять, какую мощь приобрело общество ассасинов, необходимо вспомнить, что султан Санжар был наиболее могущественным монархом Востока, что его власти подчинялись от Кашгара до Антиоха, от Каспия до пролива Баб-эль-Мандеб. Тридцать четыре года прошло с момента захвата Аламута и начала становления власти Хасана Сабаха. За все это время его никогда не видели за пределами замка Аламут, и было известно всего лишь два случая, когда он покинул свои покои, чтобы показаться на террасе. В тиши и уединении он обдумывал средства расширения влияния ассасинов, которыми он руководил, и сам своей собственной рукой писал законы и правила, которым они следовали. Он пережил большинство из своих старых соратников и первых учеников и остался бездетным, поскольку обоих своих сыновей приговорил к смерти: старшего – по подозрению в убийстве его верного адепта Хусейна Каини, а младшего – за нарушение заповеди Корана, запрещающей пить вино. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе в Аламут Кеаха Бузург Умейда (*Кеах Доброй надежды*), жившего в Ламсире, который был завоеван двадцать лет назад, а также Абу Али из Касвина и поручил им руководить обществом после себя. Первый был назначен духовником и наставником, а в руки последнего были переданы полномочия управляющего мирскими делами и внешними связями. После этого он мирно скончался, по всей видимости не осознавая или относясь безразлично к тому факту, что, создав это смертоносное общество, сделал свое имя объектом для проклятий, символом и крылатым выражением среди многих народов.

Каким бы невзрачным ни вырисовывался образ Хасана Сабаха по скудным записям, дошедшим до нас и являющимся чем-то средним между предубеждением и ненавистью, ему нельзя отказать в обладании одним из лучших умов своего времени. Основатель империи или влиятельного общества – почти всегда великий человек. Однако, как представляется, Хасан имел то превосходство над Лойолой и другими основателями различных обществ, что он с самого начала ясно видел, чего можно достичь, и все свои планы строил, исходя из одной конечной цели. Определенно он обладал незаурядным умом, если мог заявить, что ему нужно лишь два верных последователя, чтобы сотрясти трон династии Сельджукидов, когда та была на пике могущества.

Глава 5

Внутренняя организация общества. – Присваивавшиеся исмаилитам имена. – Происхождение названия «ассасин». – Как Марко Поло описывал рай Старца Горы. – Как о нем рассказывали арабские летописцы. – Примеры степени повиновения фидави

Итак, проследив историю этого примечательного общества, рассказав о его истоках и о том, как оно выросло из притязаний потомков Али на халифат, смешалось с мистическими учениями, позаимствованными, похоже, из Индии, можно перейти к описанию его устройства и секретных принципов существования, как это преподносится историками Востока.

Хасан Сабах ясно понимал, что планы общества в Каире с точки зрения возможности обретения государственной власти были неполноценными. Даи могли оказывать влияние и могли завоевывать сторонников, но до тех пор, пока не будут получены укрепленные цитадели, а в душах властителей не поселится леденящий ужас, ничего действительно значимого не достигнешь. Поэтому он, во-первых, как было показано, сделался хозяином Аламута и других крепостей, а потом к даям и рифиикам добавил еще один класс, так называемых «фидави» (*преданный*) (точнее – жертвующей собой во имя веры. – *Ред.*), в задачу которых входило беспрекословное подчинение приказам своего начальника, чтобы без малейших вопросов и сомнений вонзать кинжал в грудь любой жертвы, на какую им укажут, даже если собственная жизнь будет немедленно пожертвована ради этого. Изначально одежды фидави (как у всех сект, выступавших против династии Аббасидов) были белого цвета; головные уборы, пояса и обувь – красного. Поэтому их стали называть белые (*мубейяхах*) и красные (*мухаммери*²⁸), однако они с легкостью могли принимать любой облик, даже христианских монахов, чтобы осуществить свои смертоносные замыслы.

В обществе существовала следующая иерархия. Во главе стоял сам Хасан и его преемники, носившие титул сейдна или сидна²⁹ (*мой господин*), и шейх аль-Джебал (*Властелин Горы*) – имя, данное по названию территории, ставшей главным местом сосредоточения сил общества. Последний из-за своего имени, часть которого – слово «шейх» – имеет двойное значение (как «синьор» во французском и итальянском означает и «более старший», и «господин»), ошибочно переводился ранними европейскими историками как «Старец Горы». В его подчинении находились даи-эль-кебиры (*великие проповедники*), коих было трое, для каждой из провинций: Джебал, Кухистан и Сирия³⁰. Затем следовали даи, потом рифиики, еще ниже фидави и, наконец, лазики, то есть ученики.

Хасан прекрасно понимал, что ни одно общество нельзя держать под контролем без ограничивающего влияния устоявшейся религии. Поэтому, независимо от того, каковы были его личные взгляды, он решил подчинить всех своих приверженцев наиболее строгим заповедям традиционного ислама, и, как уже отмечалось, фактически приговорил к смерти собственного сына за нарушение одной из них.

Утверждается, что Хасан отменил две степени каирского общества, сократив их до семи, того количества, которое изначально планировал Абдалла Маймун, первым разработавший проект этого тайного общества. Помимо этих семи ступеней, по которым к знаниям

²⁸ Ахмар, *жсен*. Хамра – по-арабски «красная», поэтому известная Муришская крепость-дворец в Гренаде называлась Альхамбра (Альгамбра [al-Namra]), то есть Красная.

²⁹ Отсюда испанское *Цид*.

³⁰ Хаммер.

постепенно восходили ученики, Хасан, как это называет Хаммер, в своде правил написал семь предписаний, или правил поведения наставников в его обществе. 1. Первое из них называлось Ашинаи-риск (*Знание обязанностей*), оно предписывало необходимость знать людскую натуру для отбора подходящих для вступления в общество кандидатов. Сюда относились поговорки, которые якобы были распространены среди даев, идентичные использовавшимся древними пифагорейцами, например: «Не возделывай бесплодную почву» (то есть не стоит впустую затрачивать усилия на неспособного человека); «Не разговаривай в доме с горящей лампой» (то есть молчи в присутствии представителей закона). 2. Второе правило называлось Теинис (*Завоевание авторитета*) и учило завоевывать умы кандидатов, потакая их пристрастиям и наклонностям. 3. Третье, которому не давалось название, наставляло погружать кандидатов в сомнения и затруднения, указывая на бессмыслицы в Коране и в традиционной религии. 4. Когда обучающийся добирался до этого уровня, он давал священный обет молчания и повиновения, всеми своими сомнениями он обязывался делиться только с наставником. 5. После этого его информировали о том, что все учение и существующие в обществе понятия исходят от величайшего человека в церкви и в государстве. 6. Тессеис (*Подтверждение*) было нацелено на проверку всего пройденного учеником и подтверждение его знаний. И наконец, 7. Теивил (*Обучение символизму*) учил аллегорическому методу интерпретации Корана и извлечению из его страниц любого смысла, какой отвечал их целям. Любой, кто проходил через все эти предписания и тем самым насквозь пропитывался духом общества, считался подготовленным даем и мог начинать заниматься важной работой – набором новых сторонников и расширением влияния общества.

Необходимо вновь отметить, что подробные описания отдельных авторов, которые дошли до нас, относительно правил и доктрин секретных ассоциаций, должны восприниматься со значительной долей скептицизма, учитывая характер и источники информации, из которых мы их почерпнули. Когда Аламут захватили монголы во главе с Хулагу-ханом, он разрешил своему визирю, хорошо образованному Ата-Мелеку (*Отец короля*) Джовани осмотреть библиотеку и отобрать те книги, которые заслуживали, чтобы быть сохраненными. Визирь взял Коран и ряд других, ценных на его взгляд, книг. Остальные же, среди которых, как утверждается, были архивы и секретные правила, а также учения общества, он, после беглого ознакомления, отправил в костер. В своей исторической работе он написал о том, что обнаружил в тех книгах, и именно на него ссылаются Мирхонд и другие авторы, почерпнувшие отсюда сведения, которые тем самым дошли и до нашего времени. Вполне ясно поэтому, что визирь хана Хулагу, будучи в библиотеке, мог приписать какие ему вздумается злодеяния обществу, которое было уничтожено его владыкой, и что его показания, соответственно, являются сомнительными. С другой стороны, его рассказ в определенной степени совпадает с тем, что рассказывалось о каирском обществе Макризи, и не противоречит духу суфизма.

Последний, являющийся своего рода мистическим пантеизмом, видящим Бога во всем и все в Боге, может вызывать, как и фатализм, не только набожность, но и ее противоположность. В глазах того, кто видит Бога таким образом, разница между добром и злом может стираться и становиться незаметной, а преступление может постепенно перестать быть злодеянием и стать всего лишь средством на пути к благой цели. То, что исмаилиты-фидави убивали невинных людей без всяких угрызений совести, если им приказывали их вышестоящие лидеры, является бесспорным фактом, и нет ничего абсурдного, если предположить, что они были уверены в правоте своих деяний, способствующих установлению истины. Подобное благословение преступления распространено на Востоке. Постулат «цель оправдывает средства» слишком удобен по своей природе, чтобы во всех уголках света от него отказались, и убившие во Франции Генриха III и Генриха IV ассасины продемонстрировали искренность и преданность исмаилитов-фидави. Поэтому, не считая, вместе с Хаммером, лидеров исма-

илитов всего лишь безжалостными, нечестивыми убийцами, втоптавшими в грязь религию и все возможные нормы морали, можно прийти к мнению, что их направляющей идеей был суфизм, реализованный в своих самых худших проявлениях.

Последователи Хасана Сабаха назывались восточными исмаилитами, в отличие от африканской секты. Их также называли «банинийех» (*сокровенный, тайный*) из-за секретных толкований, извлекаемых из текста Корана, а также «мулхад» или «мулахид» (*нечестивые*), по приписываемой им доктрине безбожности. Эти названия были широко распространены для обозначения их секты и многих других, существовавших ранее. Именно под этим наименованием они стали известны венецианскому путешественнику Марко Поло. Тем не менее название, под которым они наиболее хорошо известны в Европе и которое далее будет в основном использоваться, — это «ассасины». Оно, очевидно, произошло от имени основателя их общества. Однако М. де Саси предположил, что восточный термин «хашишин», который крестоносцы превратили в «ассасин», происходит от гашиша, разновидности конопли, из которого делались опиумсодержащие наркотики. Фидави имели обыкновение принимать их перед тем, как совершить свою дерзкую миссию, либо для того, чтобы открыть себе очаровательные видения рая, обещанного шейхом аль-Джебалом.

Это чрезвычайно любопытный вопрос, как Хасан Сабах ухитрился вселить в фидави полное безразличие к собственной жизни, дополненное духом беспрекословного подчинения приказам старших, которые они неизменно демонстрировали. Рассказывают³¹, что для этого была задействована система, по которой у родителей покупались или другим образом приобретались крепкие здоровые дети. Их воспитывали в духе полного подчинения воле шейха, а для подготовки их к будущей миссии тщательно обучали на различных языках. В качестве их местожительства выбирались наиболее приятные места, удовлетворялись все их чувственные желания, и в самый разгар наслаждений к ним направлялись определенные люди, которые должны были еще больше распалить их воображение ярким описанием наивысших блаженств небесного рая, которые откроются тем, кто будет допущен отдыхать в его будуарах. Это счастье могло быть достигнуто лишь через славную смерть при исполнении приказа шейха. После того как подобные идеи вселялись в их сознание, восхитительные видения постоянно проносились перед их взорами, эти впечатления поддерживались употреблением упоминавшихся наркотиков, и молодые фидави с энтузиазмом томились в ожидании часа, когда смерть во исполнение приказа шейха откроет для них врата рая и впустит в мир вечного наслаждения и блаженства.

Известный венецианец Марко Поло, побывавший в самых удаленных уголках Востока в XIII веке, по возвращении в Европу описал места, которые посетил, удивив увиденным соотечественников. Как обычно бывает в подобных случаях, его рассказам не поверили, и лишь исследования и открытия современных путешественников подтвердили, исключив все сомнения, правдивость Марко Поло, включая рассказы о Геродоте.

Среди прочих удивительных рассказов, которые встречаются в путевых записках Марко Поло, есть история о людях, которых он называет «мулехетиты» (то есть «мулахиды»), и об их вожде — Старце Горы. Он правдоподобно описывает сущность этого общества и дает следующий фантастический рассказ способа, которым пользовался старец, чтобы привить беспрекословное подчинение в умы своих сторонников³².

«В прекрасной равнине, — пишет он, — зажатой между двумя высокими холмами, он разбил роскошный сад, в котором имеются все самые вкусные фрукты и благоухающие кустарники, какие только можно раздобыть. Разного размера постройки были возведены в различных уголках сада, которые были украшены золотыми узорами, картинами и обстав-

³¹ Вилькен. История Крестовых походов.

³² В переводе (на англ. — Пер.) Мардена.

лены мебелью, обитой дорогими шелками. При помощи проведенных в этих зданиях небольших трубопроводов ручки вина, молока, меда и ключевой воды текли во всех направлениях. Жителями этих садов были элегантные и красивые девушки, обученные искусству пения, игре на всевозможных музыкальных инструментах, танцам и особенно умению обольщать и улаживать. Одетых в богатые наряды, их постоянно можно было видеть праздными и развлекающимися в саду и шатрах, охраняющие сад стражницы скрывались за дверями и не показывались в саду. Цель, которую преследовал хозяин, создавая такой поражающий воображение сад, была такая: поскольку Мухаммед обещал тем, кто подчинится его воле, блаженство рая, где в обществе прекрасных нимф будут найдены всевозможные виды чувственных наслаждений, то он желал, чтобы его последователи воспринимали его самого как пророка, равного Мухаммеду и способного допускать в рай тех, кому он выкажет свое благоволение. Для того чтобы никто без его дозволения не проник в эту прекрасную долину, он приказал возвести вокруг мощную и неприступную крепость, в которую можно было войти лишь по секретному пропуску. Также при своем дворе этот владыка воспитывал молодых людей в возрасте от 12 до 20 лет, отобранных из числа жителей близлежащих гор, у которых были способности к военному делу и которые проявляли качества беспримерной отваги. Ежедневно он проводил с ними беседы о рае, обещанном пророком и им самим, о том, как попасть туда. В какой-то момент он погружал от десяти до дюжины подростков в наркотический сон, после чего, когда они были в беспмятстве, переносил их в разные уголки сада. Пробудившись, юноши улажались всеми теми прекрасными вещами, которые были описаны выше, и каждый из них находил себя окруженным прекрасными девами, поющими, играющими и выполняющими его пожелания с невероятной заботой, угощая его невиданными яствами и винами, до тех пор, пока он, опьяненный чрезмерными удовольствиями, посреди настоящих молочных и винных рек, не начинал верить, что находится в настоящем раю и не желает расставаться с его удовольствиями. Когда так проходило четыре или пять дней, их снова погружали в полубессознательное состояние и выносили из сада. Когда они приходили в себя и хозяин спрашивал, где они были, они отвечали:

– В раю, милостью вашего величия.

После этого перед слушающими с превеликим любопытством и удивлением придворными они подробно описывали сцены, участниками которых стали. Затем, обращаясь к ним, владыка говорил:

– Наш пророк дал нам заверение, что тот, кто защищает своего Владыку, обретет рай, и, если вы проявите верность моим приказам, это счастье ожидает вас.

Приведенные в эйфорию подобными словами молодые люди были счастливы получить приказ своего властителя и были готовы умереть на службе ему».

Этой романтической истории, более уместной для чудес «Тысячи и одной ночи», нежели для серьезного исторического исследования, было в целом отказано в правдивости в тщательных исследованиях де Саси и Вилькена, компетентных историков Крестовых походов. Однако она находит подтверждение у Хаммера, трудам которого мы обязаны гораздо более подробным изложением деталей об обществе ассасинов. Этот пытливый ученый, как он полагает, нашел подтверждение этого рассказа в деталях похожих историй, встречающихся в работах некоторых арабских писателей, рассказывающих о жизни общества в Сирии. Поразительные легенды зачастую распространяются более широко, чем сухая правда. Поэтому все, что можно с уверенностью утверждать, основываясь на этих источниках, – это наличие одной и той же удивительной легенды, услышанной венецианским путешественником как на севере Персии, так еще и в Сирии, и в Египте. Ее правдивость может быть подтверждена фактами другого характера.

В Сирет-эль-Хаким (*Воспоминания Хакима*), одном из примеров арабской исторической литературы, открытом Хаммером³³, имеется следующее описание садов в Массьяте – основном месте пребывания ассасинов в Сирии:

«Наш рассказ возвращается теперь к Исмаилу – правителю исмаилитов. Он взял с собой людей с грузом золота, серебра, жемчуга и других драгоценностей, полученных от жителей побережья и частично от короля Египта Дахера, сына Хаким-биимр-Иллаха. Попрошавшись с султаном Египта в Триполи, они добрались до Массьята, когда жители близлежащих замков и крепостей вместе с Исмаилом и его людьми собрались для увеселений. Те надели самые нарядные одежды, которыми их снабдил султан, и украсили замок Массьят самыми красивыми и изысканными вещами. Исмаил со своими преданными людьми (*фидави*) так обставил свой въезд в Массьят, как никто ни до него ни после него не появлялся в этом городе. Он задержался там на некоторое время, чтобы принять к себе на службу еще людей, из которых он мог бы сделать новых *фидави*, преданных душой и телом.

Рассчитывая на это, он приказал создать огромный сад, куда была проведена вода. Посредине этого сада он построил павильон высотой в четыре этажа. На каждой из четырех сторон были богато украшенные окна, объединенные четырьмя сводами с нарисованными золотыми и серебряными звездами. Здание было наполнено розами, фарфором, стеклянной посудой и кубками из золота и серебра. При Исмаиле были мамлюки (то есть рабы), десять мужчин и десять женщин, которые прибыли с ним с берегов Нила и едва достигли половой зрелости. Он одел их в шелка и самые изысканные ткани, нацепил золотые и серебряные браслеты. Колонны были покрыты мускусом и янтарем, а в четырех оконных сводах были размещены шкатулки с чистейшим мускусом. Стены были отполированы, и все это место было пристанищем этих рабов. Сад был разделен на четыре части. В первой произрастали груши, яблони, виноград, вишни, шелковица, сливы и прочие фруктовые деревья. Во второй были апельсины, лимоны, оливки, гранаты и многие другие фрукты. В третьей выращивались огурцы, дыни, бобовые растения и тому подобное. В четвертой находились розы, жасмин, тамаринды, нарциссы, фиалки, лилии, анемоны и другие цветы.

Сад пересекался полноводными каналами, и все здание окружалось прудами и озерами. Были там и рощи, в которых встречались антилопы, страусы, ослы и яки. Вблизи прудов можно было видеть уток, гусей, куропаток, перепелок, зайцев, лис и других животных. Вокруг здания главный исмаилит высадил стеною высокие деревья, разграничивающие разные части сада. Там же он построил огромное здание, разделенное на две части: верхнюю и нижнюю. Из последней крытые переходы вели в сад, который целиком был окружен стенами так, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, и все эти переходы и здания оставались скрытыми от взоров местных жителей. Прохладная галерея вела из этой части здания в расположенный еще ниже подвал. Это помещение служило местом для проведения собраний. Расположившись на софе напротив дверей, хозяин усаживал своих послушников, кормил и поил их в течение всего дня до вечера. С наступлением ночи, оглядевшись, он выбирал тех, чья стойкость понравилась ему, и говорил:

– О единственный! Подойди, сядь рядом со мной.

Так Исмаил усаживал рядом с собой на софе своих избранников и давал им напиток. Потом он рассказывал им о выдающихся и совершенных качествах имама Али, о его храбрости, благородстве, щедрости, пока они не засыпали, одурманенные силою *бенжи*³⁴, который им давался и никогда не давал сбоя, оказывая необходимый эффект в течение четверти часа так, что они падали почти в безжизненном состоянии. Как только человек падал без

³³ Сокровища Востока.

³⁴ Бенжи – арабское название хиосциамуса, или черной белены. Хаммер выдвинул гипотезу, что слово *бенжи*, либо с приставкой множественного числа на коптском языке *ни-бенжи*, – это то же самое, что и напиток забвения у Гомера («Сокровища Востока»).

чувств, главный исмаилит вставал и, подняв его, переносил в спальню. Затем, закрыв двери, на плечах выносил спящего в прохладную галерею, расположенную в саду, и оттуда в павильон, где оставлял его на попечение своих рабов, дав им поручение выполнять все прихоти избранника. Для пробуждения на него поливался уксус. Когда тот приходил в себя, юноши и девушки говорили ему:

– Мы ждем лишь, когда ты умрешь, ведь это место предназначено тебе. Это один из уголков рая, а мы гурии и дети рая. Если бы ты уже умер, ты навсегда остался бы с нами, но ты всего лишь спишь и скоро проснешься.

Между тем главный исмаилит возвращался к собравшимся, убедившись, что его избранник проснулся и теперь не воспринимает ничего, кроме юношей и девушек невиданной красоты и в самых великолепных украшениях.

Тот осматривался, вдыхал ароматы мускуса и ладана, приближался к саду, где видел животных и птиц, бегущую воду и деревья. Он завороченно смотрел на красоту павильона и ваз из серебра и золота, а юноши и девушки все это время продолжали развлекать его беседой. Все это оставляло его в замешательстве, невозможно было понять, бодрствовал ли он или продолжал спать. Когда проходило два часа, Исмаил возвращался в спальню рядом с воротами и входил в сад, где его встречали рабы и почтительно вставали вокруг него. После того как избранный замечал его появление, он обращался к нему со словами:

– О господин Исмаил, сплю ли я или же все это наяву?

Исмаил же отвечал ему:

– О единственный! Поостерегись рассказывать об увиденном кому бы то ни было за пределами этого места! Знай, что Владыка Али показал тебе это место, которое предназначено тебе в раю. Знай, что в этот момент Владыка Али и я вместе с ним находимся в небесной стране. Поэтому не сомневайся ни минуты, служа имаму, который дал тебе возможность узнать его благословение.

После этого Исмаил приказывал подать ужин. Яства приносились в золотой и серебряной посуде и состояли из вареного и жареного мяса с другими блюдами. Пока избранник ел, его обрызгивали розовой водой. Когда он просил испить, ему в золотых и серебряных кубках приносили изысканные напитки, в которые также была подмешана бенжи. Как только он засыпал, слуги Исмаила через галерею вновь переносили его в спальню и оставляли там. Исмаил же возвращался к собравшимся. Через некоторое время он вновь приходил к спящему, поливал его лицо уксусом, потом выводил его в общую комнату и просил одного из мамлюков потрясти его. Проснувшись в том же месте среди гостей, он восклицал: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Божий!» Исмаил при этом приближался к нему, поглаживал, и тот, все еще оставаясь под глубоким наркотическим воздействием, был всецело предан своему хозяину, который затем обращался к нему:

– О избранный, знай, то, что ты видел, не было сном, а одно из чудес, демонстрируемых имамом Али. Знай, что он начертал твое имя среди своих друзей. Если ты сохранишь все в тайне, можешь быть уверен в своем благословении, но, если ты заговоришь об этом, то навлечешь на себя негодование имама. Если ты погибнешь, ты станешь мучеником, но упаси тебя рассказывать об этом кому бы то ни было. Ты вошел в одну из дверей для друзей имама и стал членом его семьи, но если ты выдашь эту тайну, ты станешь одним из его врагов и будешь изгнан из его дома.

Так этот человек становился одним из слуг верховного исмаилита, который подобным образом окружал себя преданными людьми, пока его репутация не утверждалась. Вот что рассказывается о верховном исмаилите и его Преданных».

К этим красивым сказкам о рае Старца Горы необходимо добавить еще третью, рассказывающую о еще большем жульничестве, которую оставил образованный и почтенный шейх Абд ур-Рахман (*Слуга Всемилостивейшего, то есть Бога*) бен Ибубекр аль-Джерири

Дамасский в двадцать четвертой главе своей книги, озаглавленной «Сборник разоблачений тайного искусства обмана»³⁵.

Рассказав немного о Синане, руководителе ассасинов в Сирии, чье имя теперь представлялась возможность упомянуть, шейх переходит к описанию уловки, которую тот использовал для обмана своих последователей:

«Возле софы, на которой он восседал, была яма в полу, достаточно глубокая, чтобы в ней мог уместиться человек. Он прикрывал ее тонким куском древесины, оставляя лишь небольшое отверстие размером с человеческую шею. Сверху на дерево он клал бронзовый диск с дырой посередине и двумя заслонками. Затем, взяв одного из своих учеников, которому он предварительно дал значительную сумму денег, чтобы получить его согласие, и надев на шею диск с отверстием, опускал в яму так, чтобы была видна лишь шея человека. На диск выливалась свежая кровь, чтобы создать видимость, как будто голова была отрублена только что. Затем в комнату приглашались товарищи ученика, которым показывалось блюдо с головой их друга. Наставник говорил голове:

– Расскажи своим товарищам, что ты видел и что тебе было сказано.

Ученик отвечал, как ему перед этим было наказано.

– Что бы ты предпочел, – продолжал учитель, – вернуться в этот мир к своим друзьям либо остаться в раю?

– Зачем мне это нужно? – отвечала голова. – Возвращаться в этот мир после того, как я увидел мое пристанище в раю, гурий и все то, что Всевышний приготовил для меня? Друзья, приветствуйте мою семью и постарайтесь не ослушаться этого пророка, который является главным из всех пророков наших времен, как Всевышний сказал мне. Прощайте.

Данные слова укрепляли веру присутствовавших. Однако когда они уходили, учитель помогал выбраться ученику из ямы и уже по-настоящему отрубал ему голову. Именно такими средствами, как это, он заставлял подчиняться своих людей».

Приведенные выше рассказы, насколько правдивыми они бы ни были, подтверждают широко распространенное на Востоке убеждение, что горным владыкой задействовались некие необычайные средства для приобретения той власти, которой, как известно, он располагал над умами фидави. И в действительности это не такое уж невероятное предположение, что некий подобный трюк он периодически использовал. Поскольку, если вспомнить, что азиатское воображение очень сильно, особенно среди низших слоев общества, и то, что на Востоке мужчины редко видят других женщин, кроме членов собственной семьи, их правилу не составляло труда убедить юношу, которого он в состоянии оцепенения помещал в место, наполненное юными девами, что тот находится в настоящем раю, обещанном правым.

Но, отложив в сторону гипотезы, можно обнаружить, что та же самая власть над умами своих последователей, приписываемая Хасану Сабаху и его преемникам, демонстрировалась и в наши дни лидером ваххабитов. Сэр Джон Малколм³⁶, на основании персидской рукописи, сообщает, что несколькими годами ранее один из тех сектантов, которые зарезали арабского вождя у Буссоны, будучи захваченным, не только отказался сделать что-либо во спасение своей жизни, но, наоборот, похоже, стремился к смерти. Было замечено, что он зажал в своей руке нечто, чем, похоже, дорожил больше, чем собственной жизнью. После того как этот предмет у него отобрали и изучили, оказалось, что это был приказ лидера ваххабитов о предоставлении изумрудного дворца и нескольких прекрасных рабынь в благословенном раю пророка. Необходимо, однако, признать, что данная история имеет мало общего

³⁵ Сокровища Востока.

³⁶ История Персии.

с принципами секты ваххабитов, и можно предположить, что она базируется на каком-то недоразумении.

Следующий пример беспрекословного подчинения фидави приказам Хасана Сабаха приводится уважаемым восточным историком³⁷. Посол султана Малек-Шаха прибыл в Аламут, чтобы потребовать подчинения и повиновения от шейха. Хасан принял его в зале, в котором собрал нескольких своих сторонников. Подав знак одному из них, он сказал: «Убей себя!» Тут же кинжал молодого человека был вонзен в свою грудь, и его тело упало на землю. Другому он сказал: «Спрыгни вниз со стены!» Через мгновение его разбитое тело лежало на дне крепостного рва. Затем, повернувшись к пришедшему в ужас посланнику, он сказал: «У меня имеется 70 тысяч последователей, которые повинуются мне таким вот образом. Это и есть мой ответ твоему властителю».

Почти такая же история рассказывается западным летописцем³⁸ о сирийских ассасинах. Когда Генри граф Шампанский в 1194 году путешествовал из Палестины в Армению³⁹, его путь пролегал через территорию исмаилитов. Их правитель выслал нескольких человек, чтобы приветствовать графа и попросить, чтобы по возвращении он остановился у них и воспользовался бы гостеприимством их замка. Граф принял приглашение. Когда он прибыл, дай-аль-кебир вышел ему навстречу, выказал ему все свое почтение, а также показал ему свои замки и крепости. Обойдя несколько из них, они в конце концов подошли к одной, башни которой поднимались на значительную высоту. На каждой из них стояло по два одетых в белое стражника. «Они, – заявил хозяин, указав на стражу, – повинуются мне куда лучше, чем подданные вашей христианской веры своим властителям». И по его сигналу двое из них бросились вниз, разбившись вдребезги. «Если вы пожелаете, – обратился он к пораженному графу, – все мои белые стражники сделают то же самое». Великодушный граф отклонил это предложение и откровенно признался, что ни один христианский властитель не может рассчитывать на подобное повиновение со стороны своих подданных. Когда он уезжал, вместе с многочисленными ценными подарками, дай-аль-кебир многозначительно сказал ему: «При помощи этих верных слуг я избавляюсь от врагов нашего общества».

В восточной, да и в западной литературе подобная легенда часто рассказывает о самых различных персонажах, что является обстоятельством, позволяющим усомниться в ее правдивости целиком либо в каком-либо определенном случае. Эта притча, например, с небольшими отличиями в деталях, рассказывается об Абу Тахере, знаменитом руководителе карматов. Он после своего похода на Мекку, где уничтожил 30 тысяч жителей, забросал священный колодец Зимзим телами убитых, с триумфом увез сакральный Черный камень и набрался дерзости подойти к Багдаду, резиденции халифа, всего лишь с 500 всадниками. Первосвященник ислама, разгневанный таким оскорблением, приказал своему генералу Абу Саю взять 30 тысяч воинов и захватить наглеца в плен. Собрав войско, тот послал к Абу Тахеру своего человека, чтобы тот сказал ему, что из уважения к нему, как к старому другу, генерал советует Абу Тахеру, у которого такое малое войско, либо самому сдаться халифу, либо подумать о том, как скрыться. Абу Тахер спросил посланника, как много воинов у Абу Сая:

– Тридцать тысяч, – ответил посланник.

– Ему по-прежнему не хватает трех таких, как у меня, – заявил Абу Тахер и, подозвав к себе троих из своих людей, приказал одному зарезать себя, второму броситься в Тигр, а третьему спрыгнуть с обрыва. Его приказы были немедленно исполнены. После этого, повер-

³⁷ *Ильмацин*. История сарацин.

³⁸ Мринус Санутус.

³⁹ Имеется в виду Армения в Силиции (современная провинция Адана в Турции. – *Пер.*; так называемая Малая Армения, в отличие от Великой Армении. – *Ред.*).

нувшись к посланнику, он сказал: – Тот, у кого имеются такие воины, не боится количества врагов. Тебя я пощажу, но знай, что очень скоро я увижу генерала Абу Сая прикованным на цепь среди моих собак.

И действительно, в ту же ночь он атаковал и обратил в бегство войска халифа, а Абу Сай, попав к нему в руки, вскоре оказался прикованным цепью среди мастифов главы карматов⁴⁰.

Описания рая шейха аль-Джебала и его власти над умами своих последователей по меньшей мере помогают понять образ жизни и характер мышления жителей Востока.

Нить повествования теперь идет дальше и переходит к описанию деяний ассасинов, как они здесь называются.

⁴⁰ *Де Хербелот*. Кармат.

Глава 6

Кеах Бузург Умейд. – Деятельность общества в Персии. – Захват замка Баниас в Сирии. – Попытка сдачи Дамаска крестоносцам. – Убийства, совершенные в период правления Кеаха Бузурга

Кеах Бузург Умейд в точности пошел по стопам своего предшественника. Он выстроил мощную крепость Маймундис и дал почувствовать врагам общества, что оно все еще пропитано духом Хасана Сабаха. Султан Санжар, которого из-за заключенного на чрезвычайно выгодных для ассасинов условиях мирного договора правоверные мусульмане считали тайным сторонником их учения, в очередной раз открыто объявил себя их ненавистником и выслал армию, чтобы разрушить Кирдкох. Эти войска были разбиты высланными против них Кеахом бойцами. Но на следующий год Санжар мечом вырезал из секты огромное количество ее членов. Кинжал, как обычно, стал ответной мерой. Махмуд, преемник Санжара, безрезультатно испробовав поначалу силу оружия, послал своего старшего сокольничего Беренкеша в Аламут с пожеланием, чтобы к нему оттуда был отправлен посланник для заключения мира. Коях (*Хозяин*) Мухаммед Нассихи последовал за Беренкешем ко двору и поцеловал руку султана, который сказал несколько слов о заключении мира. Но когда Коях со своими спутниками выходил из дворца, на них напала толпа и растерзала их.

Когда султан направил в Аламут посла, чтобы оправдаться в обвинении в соучастии в этом нарушающем общепринятые негласные законы преступлении, Кеах дал такой ответ: «Возвращайся к султану и скажи ему от моего имени: Мухаммед Нассихи доверял твоим коварным заверениям и отправился во дворец. Если ты говоришь правду, выдай убийц для справедливого суда. В противном случае жди моей мести». После отказа султана отдать убийц отряд ассасинов появился у ворот Касвина, они убили 400 человек и увели 3 тысячи овец, 200 лошадей и 200 волов. В следующем году султан захватил и некоторое время удерживал крепость Аламут. Но высланный им против Ламсира отряд из 2 тысяч человек бежал, даже не обнажив мечей, узнав, что против них ассасины выслали рифииков (*товарищи*). Вскоре после этого султан умер, и ассасины организовали еще одну вылазку в район Касвина, где захватили трофеи и пленников.

Горный властитель не терпел соперников вблизи своего трона. Узнав, что некий Абу Хашим, потомок Али, присвоил себе звание имама в провинции Гилан, которая находилась к северу от Кухистана, и стал рассылать письма, призывающие людей принять его, Кеах написал ему и предложил отказаться от своих притязаний. Самопровозглашенный имам в ответ разразился бранью в отношении гнусного учения исмаилитов. Шейх незамедлительно выслал против него войска, захватил его в плен и после судебного процесса приговорил к сожжению на костре.

Хотя, как это видно, общины ассасинов располагались в горных районах Ирака, на северо-западе Персии их власть имела такие особенности, что никакие расстояния не гарантировали защиту от них. Фидави могли быстро пересечь отделяющие их от жертвы регионы и вонзить кинжал в грудь любого властителя или визиря, которые навлекли на себя месть шейха аль-Джебала. Соответственно шах (*король*) Хауризма, страны, между которой и Ираком располагалась обширная провинция Хорасан, прибыл к султану Массуду, преемнику Махмуда, чтобы обсудить с ним план уничтожения этих грозных врагов всех правителей. Ранее шах Хауризма был вполне расположен к исмаилитам, но его глаза теперь открылись, и он стал одним из наиболее непримиримых их врагов. Султан Массуд, неизвестно по какой

причине, одарил его землей, которую Беренкеш, старший сокольничий, получил от султана. Беренкеш, смертельно оскорбленный таким несправедливым обращением, вместе со своей семьей переехал на территорию исмаилитов и стал искать защиты у Кеаха, чьим врагом он до этого являлся. Политические соображения либо уважение к законам чести и гуманности заставили руководителя ассасинов предоставить защиту, о которой его просили. А когда шах Хауризма написал, напоминая Кеаху об их прежних дружеских отношениях, о яркой враждебности Беренкеша и призывал на этом основании выдать ему беглеца, шейх ответил: «Шах Хауризма верно говорит, но мы никогда не бросим молящих о помощи». Длительная и кровопролитная вражда между шейхом и шахом стала следствием этого отказа нарушить законы гостеприимства.

Сирийское подразделение общества в это время начинает привлекать еще больше внимания, чем персидское, главным образом из-за его связей с крестоносцами, которые преуспели в создании империи, раскинувшейся от границ Египта до Армении. Персидский исмаилит Беграм Астрабадский, который, как утверждается, начал свою карьеру с убийства собственного отца, заслужил доверие визиря при дворе дамасского принца, который предоставил ему замок Баниас, или Паниас (в древности Балания), для использования в интересах общества. Это место, ставшее центром власти ассасинов в Сирии, располагалось в плодородной, хорошо орошаемой долине, примерно в 4 тысячах шагов от моря. Долина, через которую протекали многочисленные реки, питавшие ее, называлась Вади-аль-Джинн (*Долина Демонов*). «...Место, – как отмечает Хаммер, от взора которого не ускользают случайные совпадения, – одним своим названием заслуживает того, чтобы стать пристанищем ассасинов». Из Баниаса они распространяли свое влияние на близлежащие замки и крепости до тех пор, пока 12 лет спустя резиденция их руководителя не была перенесена в Массьят.

Вскоре после этого Беграм пал в столкновении с жителями долины Таим, предводитель которых потерял брата, погибшего от кинжала ассасина. Его преемником стал Исмаил, перс, который продолжил поддерживать дружеские связи с визирем Дамаска, куда и послал на постоянное проживание человека по имени, как позже выяснится, совершенно напрасно данному, Абу эль-Вефа (*Защитник преданности*). Он добился такого расположения визиря и принца, что был назначен на должность хакима, верховного судьи. Приобретя таким образом власть и влияние, он немедленно стал искать наилучшие способы, как воспользоваться ими во благо общества – цель, которая всегда близка сердцу настоящего исмаилита. Укрепленное место на побережье, по его мнению, имело огромное значение для него, поэтому он придумал следующую уловку, чтобы овладеть Тиром.

Франки уже более тридцати лет как обосновались на Востоке. Их бесстрашие и фанатичный героизм одновременно и наводили ужас, и вызывали восхищение у их мусульманских противников, а их доблестными всадниками демонстрировалось превосходное кавалерийское искусство. Они стали той внешней силой, на которую обратил внимание Абу эль-Вефа. Стоит отметить, что фанатические настроения еще не объединили всех мусульман в борьбе с носителями креста, и правители Алеппо, Дамаска и других районов Сирии не раз вступали в альянс с христианскими городами Иерусалимом и Антиохом. Абу эль-Вефа поэтому послал письмо и заключил тайное соглашение с Болдуином II, королем Иерусалима, в котором он обязывался в случае, если крестоносцы незаметно доберутся и появятся у стен Дамаска в пятницу, когда эмир и его придворные будут в мечети, открыть перед ними ворота города. Король в обмен должен был передать Тир в руки исмаилитов.

Была собрана армия христиан, все бароны королевства встали в ее ряды, и сам король возглавил войнство. Только что сформированный рыцарский орден тамплиеров в первый раз поднял над полем боя свой флаг с полосками Босеан («окрашенный в два цвета» + см. сноску 71), который впоследствии стал хорошо известен во многих кровавых битвах. Принц Бернард из Антиоха, граф Понтиус из Триполи, храбрый Джосцелин из Эдессы повели своих

всадников и пехотинцев, чтобы поучаствовать в захвате богатого города Дамаск. Окружающие озеро Тибериас горы были позади, и войско благополучно вступило на равнину между реками Абана и Фарпар. Но здесь их ждало поражение. Тадж аль-Молук (*Монарший венец*) Бузи, эмир Дамаска, вовремя раскрыл заговор хакима. Он казнил его вместе с визирем и приказал вырезать всех исмаилитов в городе⁴¹. Армия крестоносцев расположилась в районе Марж-Сафар, и пехотинцы начали грабить деревни, отбирая продовольствие, когда небольшой отряд отважных дамаскских воинов выскочил из города и ринулся на них. Беззащитные крестоносцы падали под их ударами, неспособные сопротивляться. Остальные войска поспешили помочь или отомстить за своих соратников, когда внезапно⁴² небо затянуло облаками, глубокая тьма окутала все вокруг, загремел гром, засверкали молнии, обрушился страшный ливень, и очень резко, что является обычным явлением на Востоке, дождь, потоки воды превратились в снег и лед, что лишь усилило ужасы этого дня. Суеверные и пораженные до глубины сознания крестоносцы увидели в этом жутком явлении незамедлительную реакцию Небес и решили, что оно ниспослано им в наказание за их грехи, а также вспомнили, что в этом же самом месте четырем годами ранее король Болдуин с горсткой людей одержал победу над армией Дамаска, чем та была страшно унижена. Единственный успех, которого они добились от этого похода, было приобретение замка Баниас, который исмаилитский комендант передал им в руки, чтобы под их покровительством он мог бы избежать участи своих собратьев.

Баниас был отдан христианам в тот год, в котором Аламут был захвачен сельджукским султаном, в результате ассасины, как казалось, утратили свое могущество. Однако это общество содержало в себе механизмы самосохранения и, подобно гидре, разрасталось от своих ран. Аламут был очень быстро возвращен, а тремя годами позже Баниас снова стал резиденцией дай-аль-кебира. В это же самое время кинжал свирепствовал с непривычной яростью против всех, кого общество считало опасным, и в анналы правления Кеаха Бузурга Умейда вошел обширный лист знаменитых жертв.

Первой из них стал известный Аксункур, принц Мосула, воин, которого одинаково боялись и христиане, и ассасины. Когда принц, вернувшись из Маары-Месрин, где мусульманская и христианская армии сошлись, так и не рискнув сразиться друг с другом, вошел в мечеть в Мосуле для того, чтобы совершить молебен, на него напали, не дав ему сесть на его привычное место, восемь ассасинов, одетых дервишами. Трое из них погибли от ударов мужественного эмира, но, прежде чем его люди успели прийти на помощь, он получил смертельный удар и скончался. Остальные убийцы стали жертвами ярости толпы, лишь один из юношей сумел скрыться. Арабский историк Кемаль-эд-Дин в этой связи рассказывает о необычной особенности фанатичного и спартанского духа, который был свойственен членам секты исмаилитов. Когда мать вышеупомянутого убийцы узнала, что грозный Аксункур убит, она выкрасила свое лицо, надела самые яркие одежды и украшения, радуясь, что ее сын оказался достойным умереть блистательной смертью мученика за благое дело имама. Однако когда она увидела его вернувшимся живым и невредимым, то обрезала свои волосы, почернела лицом и не смогла найти себе утешение.

В следующем году (1127) погиб Мойн-эд-Дин, визирь султана Санжара. В данном случае ассасин выступил в роли конюха на службе у визиря. Когда Мойн-эд-Дин как-то днем зашел в конюшню, чтобы проверить своих лошадей, ассасин появился перед ним обнаженным, держа коня за уздечку. Как только ничего не подозревающий визирь подошел к нему, лжеконюх заставил животное встать на дыбы и, делая вид, что успокаивает своенравную лошадь, выхватил спрятанный под гривой небольшой кинжал и вонзил его в грудь визиря.

⁴¹ Количество убитых составило 6 тысяч человек.

⁴² Это было в декабре.

Устроенная исмаилитам бойня принцем Дамаска не была забыта, и два года спустя кинжалом ему было нанесено две раны, одна из которых оказалась смертельной. Жажда мести не была удовлетворена его кровью, его сын и преемник Шимс аль-Мулук (*Солнце Королей*) погиб в результате заговора, ответственность за который была возложена на ассасинов. В списке жертв этого периода значатся имена судей Востока и Запада – муфтия Касвина, рейса Исфахана и рейса Тебриза.

Восток во все времена изобилует преступлениями. Человеческая жизнь там не имела той ценности, которую ей придавали в Европе, и кинжал с ядом легко задействовались для устранения внушающих опасения лиц, преодоления препятствий на пути амбиций либо для утоления жажды мести. Поэтому не следует с легкостью доверять обвинениям, выдвинутым против ассасинов, и считать их ответственными за убийства, которые не приносили им никакой пользы. Так, когда в это же время от рук убийц погиб фатимидский халиф Амир би-ахками-Илах (*Ответственный за соблюдение законов Божьих*), то имеются все основания полагать с большой вероятностью, что он стал жертвой мести не общества исмаилитов, которым он никогда не причинял вреда, а скорее семьи могущественного визиря Афдала, который был убит несколько ранее по приказу халифа.

С гораздо более очевидными основаниями горному властителю может быть приписано убийство багдадского халифа Мостаршида. Сельджукские правители, предшественники Массуда, были вполне удовлетворены реальной властью, которую они имели в империи, когда-то повиновавшейся династии Аббасидов, и предоставляли этой *Тени Господа на Земле* несущественную привилегию чеканки монет королевства и пятничных богослужений в мечетях от его имени. Но Массуд даже эти права присвоил себе, и беспомощный преемник пророка был вынужден покориться унижению, с которым он ничего не мог поделать. В конце концов несколько недовольных военачальников со своими отрядами пришли к багдадскому халифу и убедили его, что одним дерзким движением он может низвергнуть власть турецкого султана и заполучить все его права. Халиф выслушал их доводы и, встав во главе армии, двинулся на Массуда. Однако удача отвернулась от него. При первом же столкновении основная часть багдадского войска бросила халифа, и он оказался пленником султана, который взял его с собой и заключил в Мараге. Там между ними было достигнуто соглашение, по которому халиф обязался не покидать более стен Багдада и платить ежегодную дань. Похоже, данный договор не понравился ассасинам, и, увидев хорошую для себя возможность, когда Массуд выехал на встречу с послами султана Санжара, они небольшой группой напали и убили халифа вместе с его свитой. Безжизненное тело командующего правоверными было изувечено самым возмутительным образом.

После четырнадцати лет и трех дней залитого кровью правления Кеах Бузург Умейд умер. Изменяя принципам Хасана Сабаха, который, вероятно, желал подражать образу действия пророка и считал, что высший пост должен быть избирательным, он назначил преемником своего сына Кеаха Мухаммеда, руководствуясь то ли отцовской привязанностью, то ли считая его наиболее подходящей для этой роли личностью.

Глава 7

Кеах Мухаммед. – Убийство халифа. – Замки, захваченные в Сирии. – Суть вероучения исмаилитов. – Сын Мухаммеда Хасан выдает себя за обещанного имама. – Его сторонники наказаны. – Хасан становится наследником. – Он отменяет законы. – Выдает себя за потомка пророка. – Убит

Политика общества не претерпела каких-либо изменений с приходом Мухаммеда. Кинжал продолжал карать его врагов, и с каждой павшей жертвой те, кто отстаивал права Исмала и кого держали в строгом соблюдении заповедей Корана, не замечали ничего, кроме справедливой руки Небес, обнаженной для того, чтобы осуществить возмездие за преступления и незаконное присвоение прав. Горный властитель едва успел взять в свои руки бразды правления, когда Рашид, преемник последнего халифа, стремясь отомстить за убийство своего отца, собрал армию и отправился в поход на Аламут. Он достиг Исфавана, но здесь его поход и завершился. Четыре ассасина, которые специально для этого поступили к нему на службу, напали на него в палатке и зарубили. Когда эта новость дошла до Аламута, то были устроены великие торжества, и в течение семи дней и семи ночей трубы и литавры гремели с крепостных башен, возвещая окрестностям о триумфе кинжала.

Сирийские владения исмаилитов к этому времени значительно расширились. Они выкупили у Ибн Амру принадлежавшие тому замки Кадмос и Кахаф, а также силою захватили у властителей Шейсера замок Массьят. Этот замок, расположенный на западной стороне горы Легам, напротив Антарадуса, с тех пор стал главным местом расположения исмаилитов в Сирии. Теперь обществу принадлежала вся береговая линия до Триполи на севере, а внутри страны их владения простирались вплоть до Хаурана.

Правление Мухаммеда оставило немного событий, которые могли бы проиллюстрировать историю ассасинов. Возможно, при нем было дано следующее описание сути вероучения исмаилитов людям, которых султан Санжар послал в Аламут, чтобы разузнать о нем⁴³.

«Наше учение такое, – рассказал глава общества, – мы верим в единого Бога и признаем в качестве истинного знания и правой веры только то, что соответствует слову Божьему и наставлениям Пророка. Мы исповедуем их, как они нам даны в Священном Писании, Коране, и веруем во все, чему учил Пророк о Сотворении мира, о конце света, о вознаграждении и воздаянии, о Судном дне и о воскресении. Верить в это необходимо и никто не вправе самостоятельно судить о предписаниях Всевышнего либо исправлять хотя бы букву в них. Это фундаментальные основы вероучения нашей секты, и, если султан не согласен с ними, пусть он вышлет к нам одного из своих высокообразованных духовников, с которым мы могли бы обсудить этот вопрос».

Такому кредо ни один правоверный мусульманин не мог что-либо возразить. Единственным вопросом было – в чем заключалась исмаилитская система интерпретации и какие еще доктрины они вывели из сакрального текста. Активное же использование кинжала фидави в достаточно ясной форме предполагало, что были и другие теории и что за портьерой скрывалось нечто плохо совместимое с общественными устоями и мирным существованием. Действительно, положение дел, при котором правители исмаилитов преподносили себя всего лишь слугами и представителями невидимого имама, само по себе вызывало

⁴³ Поскольку Санжар был должжителем, несколько исмаилитских шейхов были его современниками.

серьезные подозрения, что могло помешать им приказать совершить какое-либо злодеяние, которое отвечало их собственным интересам, но прикрывалось именем невидимого хозяина. Совершенно не разбираются в человеческой природе те, кто считает, что на незамедлительное исполнение подобных приказов не согласятся невежественные и фанатичные члены секты.

Гнилая сущность учения секты проявила себя достаточно быстро. Кеах Мухаммед оказался слабым, неумелым руководителем, не пользовался уважением у своих последователей. Они начали примыкать к его сыну Хасану, который имел репутацию человека поразительной эрудиции, с хорошим знанием традиций и текста Корана, искусного в его толковании и хорошо знакомого с науками. Хасан, то ли из тщеславия, то ли по политическим мотивам, тайно начал распространять утверждение, что он сам и есть имам, чей приход был обещан Хасаном Сабахом. Обуянные этой идеей, более информированные члены общества стали соперничать друг с другом в стремлении исполнить его указания, и Кеах Мухаммед, видя, как постепенно власть утекает от него, в конце концов решил проявить силу. Собрав членов общества, он в самых жестких тонах осудил распространяемую ересь.

– Хасан, – заявил он, – мой сын, а я не имам, но лишь один из его проповедников. Любой, кто придерживается иного мнения, – неверный.

Затем, как подобает настоящему ассасину, он подтвердил действием свои слова, казнив 250 приверженцев своего сына и навсегда изгнав такое же количество из крепости. Сам Хасан, чтобы спасти свою жизнь, был вынужден публично проклясть тех, кто придерживался новых взглядов, и написать трактаты, осуждающие их взгляды и защищающие позицию отца. Тем самым ему удалось избавить сознание престарелого руководителя общества от подозрений. Но поскольку он скрытно продолжал пить вино и нарушал некоторые другие заповеди, его сторонники лишь еще больше уверовали в то, что он и есть тот имам, с приходом которого все установления законов перестанут иметь какую-либо силу.

Хасан был вынужден оставаться осторожным и скрывать свои взгляды при жизни отца, поскольку, какого бы мнения ни придерживались ассасины относительно способностей и интеллектуальных возможностей руководителя своей секты, они были убеждены, что обязаны подчиняться его приказам как исходящим от зримого представителя святого невидимого имама. И как высоко ни почитали бы они Хасана, его кровь пролилась бы в тот самый миг, как приказ об этом слетел бы с губ его отца. На как только умер Кеах Мухаммед, после двадцатичетырехлетнего правления, и верховный пост перешел к Хасану, он тут же решил сбросить маску и не только сам начал попираť законы, но позволил и стал поощрять своих подданных поступать так же.

Соответственно, когда пришел месяц Рамадан (Великий пост у мусульман) 559 года от хиджры (1163 н. э.), он приказал всем жителям Рудбара собраться на эспланаде для молебна (*мозелла*) перед стенами замка Аламут. Обращенной в сторону Кеблы⁴⁴ по его приказу была построена трибуна, по четырем углам которой были размещены флаги разных цветов, близких исламу, а именно белого, красного, желтого и зеленого, то есть тех, которые противопоставлялись черному цвету Аббасидов.

На 17-й день этого месяца народ, повинувшись его указаниям, в большом количестве собрался под стенами крепости. Через некоторое время вышел Хасан и взошел на трибуну. Все голоса стихли в ожидании слов шейха аль-Джебала. Он начал свою речь, ошеломив умы аудитории загадочными и невразумительными фразами. Через некоторое время, когда он ввел всех таким образом в заблуждение, Хасан сообщил, что посланник имама (то есть призрака халифа, который продолжал царствовать в Каире) прибыл и передал ему послание для всех исмаилитов, в котором обновляются и утверждаются новые фундаментальные

⁴⁴ Кебла – точка, в сторону которой мусульмане поворачиваются при молитве, а именно Мекка.

принципы секты. Он продолжил заверять всех, что этим посланием врата Божьей милости и сострадания откроются для тех, кто последует и повинется ему, что они являются избранными, что они освобождаются от всех налагаемых законом обязательств и избавляются от груза всех предписаний и запретов, что теперь он сопровождает их до дня воскресения и что все это является откровением имама. После этого он на арабском языке прочел Кутбех, молебен, который, по его словам, был получен от имама, а переводчик, стоявший у подножия трибуны, довел его до присутствующих следующим образом:

– Хасан, сын Мухаммеда, сын Бузург Умейда, наш халиф (*преемник*), дай и худжет (*доказательство*). Все, кто следует нашему учению, должны прислушиваться к нему в вопросах веры и мирских делах и расценивать его указы как обязательные для выполнения, его слова как весомые. Его запреты не должны нарушаться, и его приказы должны расцениваться как наши собственные. Все должны знать, что наш повелитель проявляет к ним сострадание и ведет их дорогою к самому Всевышнему.

Когда это заявление было доведено до сведения собравшихся, Хасан спустился с трибуны, приказал расставить столы и повелел прекратить пост и, как в праздничные дни, предаться всем видам развлечений, с музыкой, различными играми и состязаниями.

– Потому что, – выкрикнул он, – сегодня день воскресения!

В соответствии с тем, как исмаилиты интерпретировали Коран, это был день явления имама.

То, что правоверные ранее лишь подозревали, нашло теперь подтверждение. Было провозглашено, без всяких иллюзий, что исмаилиты – это еретики, втапывающие в грязь все наиболее очевидные и простые заповеди ислама. Поскольку, хотя они и могли попытаться оправдать свое поведение иносказательной системой толкования Корана, все это явно противоречило здравому смыслу и могло стать инструментом для одобрения любой гнусности под религиозным прикрытием. С этого времени термин «мулахид» (*нечестивый*) стал обычным и понятным обозначением для исмаилитов в устах правоверных мусульман. Что касается самих исмаилитов, то они были в восторге от совершенного и вели себя как освобожденные рабы. Они даже начали отсчет новой эры от 17-го числа (некоторые источники указывают на 7-е) Рамадана 559 года, того дня, когда явился имам. К имени Хасана отныне они добавляли: «Да прибудет в мире память о нем». Фраза, которая, как окажется, сама по себе использовалась при упоминании о нем. Так, историк Мирхонд уверяет, что заслуживающий доверия человек рассказывал ему о существовании следующей надписи над дверями в библиотеку Аламута:

С Божьей помощью
Путы законов он снял,
Владыка сущего,
Чье имя пребудет в мире.

Безумие Хасана достигло своего апогея. Он посчитал ниже своего достоинства быть почитаемым, как его предшественники, всего лишь в качестве представителя имама на земле, но стал выдавать себя за истинного и настоящего имама, который наконец-то явился в мир. Он выслал письма во все поселения общества, требуя признать его в этом новом статусе. Ему все же хватило благоразумия, чтобы высказать в своих посланиях уважение званиям и заслугам подчиненных ему местных лидеров. Как это видно в следующем письме, высланном в Кухистан, где правил рейс Мозаффар: «Я, Хасан, сообщаю тебе, что я – посланник Всевышнего на земле, а мой посланник в Кухистане – рейс Мозаффар, кому жители этой страны должны повиноваться и воспринимать его слова как мои».

Рейс возвел трибуну в замке Муминабад, где была его резиденция, и зачитал письмо жителям, большая часть которых с радостью вслушивалась в его содержание. Перед трибуной были накрыты столы, выставлено вино, звучали трубы и литавры, игра свирелей и флейт увеличивала веселье, и день отмены заповедей и законов превратился в торжество и празднество. Те немногие, которые искренне и честно исповедовали ислам, покинули край, который они посчитали прибежищем безбожия, и отправились искать другое пристанище. Другие, не столь решительные, остались, хотя и были шокированы тем, что были вынуждены ежедневно лицеизреть. Подчинение приказам имама *сой-дисант* тем не менее было практически повсеместным и, согласно Хаммеру, которого вряд ли можно заподозрить в том, что он рассматривал систему Хасана как более свободную, чем подробно описанное им учение Магомета, «флаги неверия и самой бессовестной аморальности развеивались теперь над всеми замками Рудбара и Кухистана, как примеры нового озарения и вместо имени египетского халифа со всех сторон разносилось имя Хасана как истинного преемника Пророка».

Последнее утверждение представляло определенную сложность для Хасана, поскольку, чтобы соответствовать этой высшей позиции в глазах людей, необходимо было доказать кровное родство с пророком. То была высокая честь, на которую, как хорошо было известно, семья Хасана никогда не претендовала. Он мог взять на себя ответственность отменить заповеди Корана в свое удовольствие, и люди, чьим склонностям таким образом потакали, вряд ли стали бы тщательно выяснять, на каком основании он это сделал. Однако попытка отнять у фатимидского халифа почетное звание, которое он столь долго носил, и принять в его присутствии роль наместника Бога на земле могла оказаться слишком сильным потрясением и вызвать неприятие, если действовать без предосторожностей.

Поэтому требовалось, чтобы он доказал кровное родство с Фатимидами. Он начал делать тонкие намеки относительно правдивости устоявшегося мнения о том, что он является сыном Кеаха Мухаммеда. Ранее уже рассказывалось, что, когда Хасан Сабах был в Египте, возникли разногласия относительно преемника на троне, при которых тот чуть не лишился жизни, выступив против могущественного главнокомандующего (*Эмир аль-Джуйуш*), и Несар, принц, которого халиф Мостансер видел в качестве преемника, был лишен своих прав под влиянием этого вельможи. Доверенные Хасана начали распускать слухи, что спустя год после смерти халифа Мостансера некий человек по имени Абу эль-Зейди, старавшийся сохранить свой визит в тайне, пришел в Аламут и принес с собой сына Несара, которого он оставил на попечение Хасану Сабаху. Последний в память о халифе и его сыне принял беженца с большими почестями и предоставил небольшую деревню у подножия Аламута под резиденцию молодого имама. Когда юноша вырос, он женился и у него появился сын, который получил имя «*Пробудет в мире память о нем*». В то же самое время, когда жена имама была прикована к постели в деревне, в замке разродилась супруга Кеаха Мухаммеда. Для того чтобы потомок Фатимы смог прийти к власти, на которую имел право, пользующаяся доверием женщина предприняла попытки и преуспела, незаметно подменив детей. Другие пошли еще дальше и не стеснялись предположить, что у молодого имама была интрижка с женой Кеаха Мухаммеда и что Хасан появился в результате супружеской неверности. Настоящее дитя амбиций, Хасан готов был охотно опорочить память своей матери и даже признать самого себя внебрачным ребенком, если только это поможет ему заставить людей поверить в его происхождение от пророка.

Эти притязания Хасана на происхождение от Фатимидов породили дальнейшее разрастание бесчисленных сект, на которые распадалась верующие ислама. Те, кто стал признавать это, получили название низаритов, а Хасан приобрел у них имя Владыка Воскресения (*Каим-аль-Киамет*), а самих себя они обозначили как секта воскресения.

Правление тщеславного и безрассудного Хасана было недолгим. Он возглавлял общество только четыре года, после чего был убит шурином Намвером. Утверждается, что тот

происходил из рода Буяха, который управлял халифами и их владениями до того, как власть перешла в руки к туркам-сельджукам.

Глава 8

Мухаммед II. – Притча об имаме Факр-эд-Дине. – Нур-эд-Дин. – Завоевание Египта. – Попытка покушения на жизнь Саладина

Гибель Хасана была сполна отомщена его сыном и преемником Мухаммедом II. Смерть настигла не только убийцу. Месть, в ее восточном проявлении, распространилась на все его потомство обоих полов, мужчины, женщины, дети – все пролили кровь от меча палача. Мухаммед, которого тщательно готовили, обучив философии и литературе, был, как и его отец, переполнен тщеславием и амбициями и совсем не отступился от притязаний своих предшественников на имамат, но смог прожить гораздо более длительный срок, чем Хасан. При этом ему удалось сохранить хорошую репутацию образованного и талантливого человека среди своих образованных и сведущих в литературе современников, которых было немало, так как его правление растянулось на сорок шесть лет, а персидская литература быстро приближалась к своему кульминационному периоду. Не упоминая имена, малоизвестные читателям, стоит отметить в качестве подтверждения сказанного, что это было время, когда Низами Генж мелодичной рифмой воспевал любовь Хосру и Ширин, а также Меджнуна и Лейлы. Последнее произведение – это «Ромео и Джульетта» Востока, венец и жемчужина романтической поэзии Персии. Также в расцвете творчества был панегирист Инвири и множество историков, юристов, богословов.

Одним из наиболее известных людей того времени был имам Факр-эд-Дин (*Торжество Религии*) Рази, который читал публичные лекции о законах в своем родном городе Рее. Он был оклеветан, что якобы тайно разделяет взгляды исмаилитов и даже является одним из их проповедников, поэтому принял за правило бранить и поносить эту секту. Каждый раз, поднимаясь на кафедру для чтения проповеди, он порицал и проклинал нечестивцев, не сдерживаясь в выражениях. Содержание его речей достаточно быстро долетело до орлиного гнезда шейха аль-Джебала, и фидави, получив приказ того, направился в Рей. Он появился там как студент, изучающий право, и стал прилежно посещать лекции просвещенного имама. В течение семи месяцев он тщетно выискивал возможность для осуществления своей миссии. Наконец однажды он обнаружил, что ученики оставили имама одного в комнате и ушли, чтобы принести еды для него. Фидави вошел, запер дверь, схватил имама, бросил на землю и приставил кинжал к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.